

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

ВЕЛИКАЯ ЗАБЫТАЯ ВОЙНА

Все войны России

Сборник

**Россия в Первой Мировой.
Великая забытая война**

«Яуза»

2014

Сборник

Россия в Первой Мировой. Великая забытая война / Сборник — «Яуза», 2014 — (Все войны России)

К 100-летию Первой Мировой войны. В Европе эту дату отмечают как одно из главных событий XX века. В России оно фактически предано забвению. Когда война началась, у нас ее величали «Второй Отечественной». После окончания – ославили как «несправедливую», «захватническую», «империалистическую бойню». Ее история была оболгана и проклята советской пропагандой, ее герои и подвиги вычеркнуты из народной памяти. Из всех событий грандиозного четырехлетнего противостояния в массовом сознании остались лишь гибель армии Самсонова в августе 1914-го и Брусиловский прорыв. Объективное изучение истории Первой Мировой, непредвзятое осмысление ее уроков и боевого опыта были возможны лишь в профессиональной среде, в закрытой печати, предназначенной для военных специалистов. Эта книга – коллективный труд ведущих советских «военспецов» 1920-х годов, в котором бывшие штаб-офицеры и генералы царской армии исследовали ход и результаты недавней войны, разбирая собственные ошибки и готовясь к будущим сражениям. Это – самый глубокий, подробный и компетентный анализ боевых действий на русско-германском фронте. Книга богато иллюстрирована уникальными фотографиями, большинство которых не публиковались после 1917 года.

© Сборник, 2014

© Яуза, 2014

Содержание

А.А. Свечин. Общий обзор сухопутных операций	5
1914 год	15
1915 год	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Россия в Первой Мировой. Великая забытая война

А.А. Свечин. Общий обзор сухопутных операций

1. Объявление войны. 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Русское правительство уже в день предъявления Сербии ультиматума объявило, что австро-сербское столкновение глубоко затрагивает русские интересы и не может оставить Россию равнодушной. Мобилизация австрийской армии, сначала частичная, вызвала 20 июля у нас мобилизацию Киевского, Одесского, Московского и Казанского военных округов. 30 июля был подписан указ об общей мобилизации, первым днем которой явилось 31 июля. Одновременно Германия была объявлена в «состоянии, находящемся под угрозой войны»; 1 августа общая мобилизация была объявлена в Германии и Франции. 2 августа Германия объявила войну России, 3 августа – Франции; 4 августа Англия предъявила Германии ультимативное требование – уважать нейтралитет Бельгии, но германские войска успели уже перейти границу Бельгии, и 5 августа последовало объявление войны Англией и Бельгией Германии. Хронологические даты дальнейших объявлений войны: 1914 г. 6 августа – Австро-Венгрия – России, Сербия – Германии; 7 августа – Черногория – Австро-Венгрии; 11 августа – Франция – Австро-Венгрии; 12 августа – Англия – Австро-Венгрии; 23 августа – Япония – Германии; 25 августа – Австро-Венгрия – Японии; 27 августа – Австро-Венгрия – Бельгии; 28 сентября – Турция закрыла Дарданеллы; 5 октября – Англия объявила войну Турции; в конце октября «Гебен» и «Бреслау» под турецким флагом обстреляли русские берега, что явилось фактическим началом военных действий; 5 ноября – Франция объявила войну Турции, а 14 ноября в Турции была провозглашена «священная война».

1915 г. 4 мая Италия объявила о своем выходе из Тройственного союза, а 23 мая объявила войну Австро-Венгрии; 21 августа Италия объявила войну Турции; 11 октября Болгария объявила войну Сербии; а в течение следующих 6 дней Англия, Франция, Италия и Россия объявили войну Болгарии.

1916 г. 16 января Черногория – первое из государств, участвовавших в войне, капитулировало; 9 марта Германия объявила войну Португалии; 26 августа Италия объявляет войну Германии; 27 августа Румыния объявляет войну Австро-Венгрии; 28 августа Германия объявляет войну Румынии; 31 августа Турция объявляет войну Румынии; 1 сентября – Болгария – Румынии.

1917 г. Последовавшее 31 января объявление Германией неограниченной подводной войны вызвало 3 февраля перерыв Соединенными Штатами дипломатических сношений с Германией и объявление ей войны: Соединенными Штатами – 5 апреля, 11 апреля – Бразилией, 14 апреля – Боливией, 5 июня – Сан-Доминго, а 7 июня Гаити прервали сношения с Германией; 14 августа Китай объявил войну Германии; 7 декабря – Соединенные Штаты объявили войну Австро-Венгрии.

1918 г. 3 марта Россия подписала мирный договор в Брест-Литовске; 4 июля Румыния подписала мир в Бухаресте; 20 сентября Болгария обратилась с просьбой о перемирии; 31 октября капитулировала Турция; 3 ноября Австро-Венгрия заключила перемирие; 7 ноября – начало переговоров Антанты с Германией о перемирии.

2. Предшествовавшие вооружения. Мировая война являлась неизбежной. Боснийский кризис 1909 г., Мароккский кризис 1911 г., Балканский – 1912 г. являлись этапами приближения к мировой войне. Если с создавшимся в 1914 г. кризисом европейской дипломатии справиться не удалось, то в значительной степени это объясняется тем, что после неудач Рос-

сии в войне с Японией в 1904–1905 гг. и последовавшего революционного движения политическая и военная сила России начала в Германии, и особенно в Австро-Венгрии, недооцениваться; уступки со стороны России Австрии в Боснийском вопросе давали основание австро-венгерским дипломатам, искавшим скорейшей развязки, рассчитывать, что и в 1914 г. Россия в последнюю минуту отступит, принеся в жертву Сербию.

Германская армия. Император Вильгельм и начальник штаба фон Мольтке на позиции у окопов

Такая низкая оценка боеспособности русской армии к моменту мировой войны была глубоко ошибочна. Благодаря обширным кредитам, полученным военным ведомством, не только были восстановлены все неприкосновенные запасы, израсходованные во время Русско-японской войны, но нормы их были значительно расширены – в отношении снарядов в три раза. Выполнение спешных заказов по военному снабжению значительно развило русскую военную промышленность. В мобилизационном отношении были также сделаны большие успехи – кадры усилены, производство учебных и поверочных сборов позволило проконтролировать технику мобилизационного аппарата, железные дороги были вполне подготовлены к предстоявшей им ответственной задаче. Можно утверждать, что благодаря всестороннему испытанию русской военной системы в Русско-японскую войну в отношении снабжения и организации русская армия к моменту мировой войны повысила свою боеспособность за последние 10 лет, по крайней мере на 300 %. Неменьший прогресс надо отметить и в отношении тактической подготовки войск и в повышении квалификации среднего и низшего командного состава. Наша артиллерия сохранила неудовлетворительную организацию в 8 орудийных батареях, тяжелая артиллерия находилась еще в процессе создания; однако в техническом отношении наши батареи ушли далеко вперед от того жалкого уровня, на котором находились в Русско-японскую войну, и смело могли выдержать состязание с лучшей в мире артиллерией.

Сознание наступающего кризиса вызвало общее стремление к усилению вооружений. Осенью 1912 г. по инициативе начальника оперативного отделения большого генерального штаба полковника Людендорфа был внесен законопроект об усилении германской армии. Однако начальник генерального штаба Мольтке исключил из него требования формирования заново трех новых армейских корпусов, и закон, принятый 2 июля 1913 г., увеличивал мирный состав армии лишь на 29 тыс. человек, создавая два новых армейских корпуса, преимущественно из излиществовавших против нормальной организации частей других корпусов. Центр тяжести этого «миллиардного закона» лежал в усилении мобилизационных запасов германской армии. Общее внимание привлекла форма покрытия этого чрезвычайного расхода

– не посредством займа, а посредством единовременного поимущественного налога, распространявшегося исключительно на состоятельные классы и достигавшего половины годового дохода. На такие жертвы господствующие классы Германии могли идти только под непосредственной угрозой войны.

Ответом на германские вооружения явился французский закон 1 августа 1913 г., который вводил во Франции трехлетний срок действительной военной службы вместо двухлетнего. Переход был выполнен в форме призыва на военную службу осенью 1913 г. не одного контингента новобранцев, а двух – 21-летних и 20-летних сразу и, таким образом, был связан с понижением призывного возраста на 1 год. Вместо нормальных 250 тыс. новобранцев французская армия получила в 1913 г. 450 тыс. новобранцев, и, таким образом, кадры к 1914 г. значительно усилились. Несомненно, такое военное напряжение могло продолжаться во Франции самое короткое время, и принятие этого закона являлось предтечей грозных событий.

Русская армия сосредоточила в период, последовавший за Русско-японской войной, все свое внимание на повышении качества, сохраняя прежнюю численность – около 1225 тыс. человек. Но к осени 1913 г. была разработана «большая» военная программа, призыв новобранцев был повышен на 30 %. Впрочем, программа была рассчитана на несколько лет в отличие от быстрых, краткосрочных мероприятий по усилению армии, вводившихся во Франции и Германии, и могла существенно сказаться на усилении русской армии лишь в 1910 г.

Французская пехота в походе

3. Сила сторон. Мирный состав армии в 1914 году равнялся:

Германия **788 000**
Австро-Венгрия 410 000
Турция 300 000

1 498 000

Россия 1 360 000¹
Франция 735 000
Англия 132 000
Сербия **32 000**
Бельгия 43 000

¹ В том числе 45 тыс. неспособных к строевой службе.

2 302 000

Впрочем, по этому двойному превосходству мирного состава армий Согласия опасно было бы сделать какие-либо выводы, так как сила армий заключается не только в ее кадрах, но и в подготовленных для мобилизации резервистах. С этой точки зрения более основательные данные мы получим, если будем сравнивать нормальные контингенты новобранцев, призываемые и подготавливаемые ежегодно на военной службе:

Германия 350 000
Австро-Венгрия 200 000
Турция **70 000**

620 000

Россия 435 000
Франция 250 000
Сербия 30 000
Англия 20 000
Бельгия **30 000**

765 000

Мобилизованные армии достигли в первые месяцы войны следующих размеров:

Германия 2 061 000
Австро-Венгрия 1 250 000
Турция **600 000**

3 911 000

Россия 2 712 000
Франция 1 856 000
Сербия 350 000
Англия 320 000
Бельгия **151 000**

5 389 000

При оценке выставленных с обеих сторон масс надо иметь в виду, что русские азиатские корпуса могли собраться полностью только через два месяца войны; Германия в течение этого срока смогла сформировать заново 5 армейских корпусов и сплотить многочисленные ландверные части. Кроме того, в связи с особенностями русской жизни и менее экономным отношением к человеческому материалу процент нестроевых в русской армии был значительно выше, и для сопоставления верных цифр бойцов численность русских войск подлежит сокращению, по крайней мере на 30 %. Надо также не терять из виду и превосходство германских войск как в отношении подготовки высшего командного состава и обучения войск, так и по силе артиллерии. Тогда как в России на 32 б-на, входивших в состав армейского корпуса, приходилось только 96 полев. пушек и 8 гаубиц, в Германии на 21 б-н имелось 108 полев. пуш., 36 легких и 10 тяж. гаубиц; таким образом, русский батальон был обеспечен огнем 3 настильных

и 0,25 навесного орудия, а германский – 4,5 настильного и 2,17 навесного орудия. Полуторное превосходство в настильном огне и почти девятикратное в навесном не только позволяло германской пехоте гораздо легче разрешать боевые, особенно наступательные, задачи, но мощественно влияло на несравненно более экономное расходование кадров пехоты; русская пехота, оплачивая лишними жертвами боевую работу против превосходной артиллерии, должна была несравненно скорее раствориться в массе пополнений, приобрести милиционный характер, чем германская, и превосходство последней, заметное и в начале войны, должно было вскоре приобрести подчеркнутый характер.

Англия. Принц Уэльский с солдатами своего полка

Отношения русской пехоты к австрийской вследствие значительного превосходства русской артиллерии складывались в обратном отношении, и австрийская пехота, не уступавшая русской в первых боях, вскоре вследствие громадных потерь австрийцев значительно разложилась и потеряла боеспособность. Французы не уступали германцам в количестве легкой артиллерии, но имели в 5 раз слабейшую тяжелую артиллерию, и потому в начале войны могли успешно разрешать только оборонительные задачи.

4. Военная конвенция. Австро-Венгрия и Германия, связанные тесным политическим союзом, не были связаны, однако, военной конвенцией, прусский и австрийский генеральные штабы избегали связывать себя какими-либо военными обязательствами. Австрийцам германцы обещали в неопределенных выражениях помощь против русских: в случае вторжения австрийцев в русскую Польшу переход в наступление из пределов Восточной Пруссии на р. Нарев; но германцы стремились сохранить свободу для направления подавляющей массы своих войск против Франции. Австро-Венгрия имела свои цели войны – прежде всего разгром Сербии – и стремилась не связывать себе руки военной конвенцией, чтобы иметь возможность с самого начала войны двинуть 40 % своих войск против сербов в расчете на медленность русской мобилизации и сосредоточения и на возможность в несколько дней нанести решительный удар Сербии и своевременно перебросить освободившиеся части в Галицию. Кроме того, австро-венгерское командование очень ревниво относилось к сохранению своей полной самостоятельности, а чем теснее было бы военное соглашение с Германией, тем более оно являлось бы подчинением австро-венгерского верховного командования германскому. Таким образом, до осени 1916 г., когда австро-венгерская армия почти совершенно утратила боеспособность, перед Соглашением не было объединенного противника, а были отдельные вооруженные силы Германии и Австро-Венгрии, не объединенные командованием, преследующие каждая свои цели, иногда согласующие свои операции друг с другом, а иногда и преподносящие их союзнику, как сюрприз (весна 1910 г. – атака Вердена германцами и наступление австрийцев из Тироля). Франция и Россия, разделенные пространством, до войны совершенно не испытывали той угрозы, которую могло бы вызвать для самостоятельности командования

более тесное военное соглашение, установленное между этими странами. Военная конвенция имела тем большее значение, что она была установлена за 7 лет до установления формального франко-русского союза. Военная конвенция представляла для России то значение, что она открывала широкую возможность размещения на французском рынке русских государственных займов для обеспечения планомерной подготовки к войне, главным образом для усиления русской железнодорожной сети с целью ускорения русского развертывания на германской границе. Франция же видела в военной конвенции обеспечение перехода русскими войсками германской границы до момента решительного кризиса на французском фронте. Франция была обязана выставить против Германии от 1 200 000 до 1 300 000 в течение 14 дней (в 1913 г. количество французских войск было обещано довести до 1 500 000). Россия брала на себя обязательство выставить против Германии от 700 до 800 тыс. в течение 28 дней. Французы были заинтересованы не в дальнейшем увеличении русского контингента, а в ускорении перехода русских в наступление. В соответствии с ожидаемым началом генерального сражения на французской границе к 14-му дню мобилизации и с наступлением решительного момента не позже 18-го дня мобилизации, французы были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы наступление русских в пределы Восточной Пруссии началось не позже 15-го дня мобилизации. Россия в 1911 г. взяла на себя обязательство перейти границу не позже 20-го дня мобилизации, а в 1913 году – закончить сосредоточение в существенных чертах, на 15-й день мобилизации и на 16-й день перейти в наступление. Принимая, однако, во внимание, что фронт развертывания русских армий отстоял от германской границы в 3–4 переходах, действительного выигрыша здесь не было, дело ограничивалось скорее игрой слов. В конце 1914 г., с введением в действие нового мобилизационного расписания, мы получили бы действительный выигрыш в сосредоточении в два дня. В общем, надо признать, что Франция достигла цели, которую она ставила, заключая военную конвенцию и открывая России кредиты: 1 августа было первым днем германской мобилизации, а 17 августа армия Ренненкампа перешла с боем у Сталюпенена границу, 19–20 августа вступила в большое сражение у Гумбинена; в этот момент и армия Самсонова уже вторглась с юга в Восточную Пруссию. Таким образом, русское наступление последовало до начала большого пограничного сражения на западном фронте (20–27 августа) и вызвало переброску двух корпусов и одной кав. дивизии на усиление германской армии на русском фронте, присутствие которых безусловно бы позволило немцам преодолеть кризис в сражении на Марне (5–9 сентября). Но нельзя не отметить, что русское верховное командование, пропитанное духом военной конвенции, во всех случаях выдвигало на первый план интересы коалиции, а не интересы России и русской армии. Этим оно позволило, в окончательном счете, англо-французам разгромить Германию, но вызвало крушение русской армии, что вызвало кризис, угрожавший катастрофой и для Франции. С переносом главных усилий германцев на русский фронт (в 1915 г.) русское верховное командование постепенно утрачивает свою самостоятельность и русская армия постепенно оказывается в подчиненном положении по отношению к западным союзникам.

Гораздо туманнее было военное соглашение, связывавшее Францию с Англией. Конкретную форму оно приняло только в отношении согласования морских сил. Ввиду усиления германского флота английское адмиралтейство вынуждено было сосредоточить свои силы в Северном море. В помощи французского флота для действий против германских эскадр англичане не нуждались, а отсутствие французской эскадры на берегах Атлантического океана упрощало задачи англичан. Поэтому Франция обязалась сосредоточить все свои морские силы в Средиземном море, а Англия гарантировала Франции защиту ее берегов и морской торговли в Атлантическом океане. В ноябре 1912 г. между сэром Эдуардом Греем и французским послом Полем Камбоном состоялся обмен писем, имевший характер морального обязательства Англии поддержать Францию в случае войны с Германией. В апреле 1914 г. во время посещения Парижа английским королем в сопровождении Эдуарда Грея вопрос о формальном при-

соединении Англии к франко-русскому союзу, поднятый по почину Извольского, вылился в решение начать непосредственные переговоры между английским адмиралтейством и русским морским агентом в Англии о заключении между Англией и Россией также морской конвенции. Вопрос о формальном присоединении Англии к союзу, о переходе от «согласия» (Антанта) к союзу отклонялся английскими государственными людьми; ввиду популярности в Англии политики свободных рук заключение союза усилило бы в Англии позицию сторонников мира и германофилов.

Англия. Вестминстерские стрелки в ожидании отправки

На основании существовавшей между Англией и Францией морской конвенции 2 августа, в день предъявления германского ультиматума Франции, сэр Эдуард Грей вручил французскому послу в Лондоне ноту: «Я уполномочен подтвердить, что в случае вторжения немецкого флота или проявления им враждебных действий со стороны Северного моря, угрожающих сев. побережью Франции или ее судоходству, английский флот выступит на защиту против подобных нападений со всеми имеющимися в его распоряжении средствами».

Мобилизация в Петербурге. Прием лошадей.

Мобилизация в Петербурге. Прием лошадей

5. Планы войны. Инициатива находилась в руках Германии, которая занимала центральное положение и имела возможность сосредоточить центр тяжести своих усилий или на французском, или русском фронте, в зависимости от чего находились действия французов и русских.

Старый Мольтке не считал возможным покончить коротким ударом, по-наполеоновски, ни с Францией, ни с Россией и, в общем, комбинировал будущую войну в том же стиле, как Фридрих Великий – Семилетнюю: наступление германцев должно было преследовать не реши-

тельные, а ограниченные цели. Если перед гигантскими трудностями задачи решительного вторжения в Россию с целью захвата ее жизненных центров после катастрофы, постигшей французов в 1812 году, отступала полководческая мысль в течение всего XIX и XX века, то задача нанести серьезный удар, отрезать «Царство Польское» с находившимися в нем крепостями и войсками до окончания русского сосредоточения представлялась чрезвычайно благодарной и легко осуществимой при совместном наступлении германцев из Восточной Пруссии и австрийцев – из Галиции. На достижении этого серьезного и верного, хотя и ограниченного успеха и базировался план Мольтке в промежуток между Берлинским конгрессом и заключением военной конвенции между Францией и Россией (1879–1893 гг.).

Только половина германских сил должна была оставаться против Франции и, опираясь на сильную фортификационную подготовку в Лотарингии (Мец), Эльзасе (Страсбург) и на Рейне, задерживать французов.

Начальник прусского генерального штаба граф Шлиффен (1891–1905 гг.) через три года после своего вступления в должность в корне изменил план войны Германии. Он боялся затяжной войны и видел главный шанс победы Германии в том случае, если ей удастся сразу достигнуть решительного результата по крайней мере на одном из своих фронтов. Главным противником Германии Шлиффену рисовалась не Россия, а Франция с ее неутолимой жаждой реванша и лихорадочной погоней за усилением армии. Развитие промышленности Германии (Рурский и Саарский бассейны) также заставляло уделять западному фронту Германии доминирующее значение. Граф Шлиффен пришел к решению – собрать возможно большие силы в начале войны против Франции, нанести ей решительный удар, а против России ограничиться выделением ничтожного заслона, который после демонстративных действий должен отойти за Вислу. Восточную Пруссию граф Шлиффен приносил в жертву русскому вторжению даже в эпоху Русско-японской войны и русской революции, когда силы русской армии были настолько ослаблены, что задачи обороны Восточной Пруссии были легко разрешимы весьма скромными силами.

На французском фронте мысль Шлиффена сосредоточилась на обходе через Бельгию линии французских крепостей, возведенных на Эльзас-Лотарингской границе. Примерно до 1901 года граф Шлиффен ограничивал обходное движение через Бельгию районом Бельгийского Люксембурга; правый фланг немецких армий должен был проследовать только через небольшой выступ бельгийской территории между Люксембургом и Францией в общем направлении на Седан. Этот план был хорошо известен в Бельгии и Франции, и в соответствии с ним было соображено стратегическое развертывание их армий. Между тем граф Шлиффен, углубляя свою мысль, пришел к сознанию, что такой обход будет недостаточно глубок и связан с опасностью, что неприятель с фронта Мобеж – Шарлеруа – Намюр – Льеж ударит во фланг и тыл обходящих немецких армий. Поэтому уже свыше чем за 10 лет до начала мировой войны германский генеральный штаб принял твердое решение – расширить район своего обходного движения на 175 километров к западу, направляя правый фланг уже не на Седан, а на Лилль. Почти все германские силы должны были двинуться в Бельгию. Мец являлся почти левым флангом германского развертывания. Против французской границы должна была оставаться только одна слабая армия. Этот окончательный план Шлиффена, включавший в район германского обхода Брюссель и почти всю территорию Бельгии, уже, разумеется, существенно задевал интересы Бельгии, но при известных меркантильных склонностях бельгийского короля Леопольда II граф Шлиффен не терял надежды путем угроз, с одной стороны, и щедрых подачек – с другой, добиться того, что Бельгия ограничится платоническим протестом против нарушения ее нейтралитета и не окажет вооруженного сопротивления германским войскам.

Мобилизация. Молебен перед вступлением в поход

План, который престарелый племянник великого Мольтке, Мольтке-младший, проводил в жизнь в 1914 году и к которому приложил свою руку Людендорф, отличался от плана графа Шлиффена своей половинчатостью. Шлиффен, становясь на точку зрения наполеоновской стратегии, все приносил в жертву для того, чтобы сосредоточить на обходящем правом фланге германцев решительный перевес сил. Чтобы сокрушить Францию одним ударом, в район обходящего движения германцев должен был попасть и Париж. Чтобы добиться этой грандиозной цели, нужно было отказаться от всех других задач. Уголь Саарского бассейна, богатые области Эльзаса и Лотарингии, территория Восточной Пруссии, имеющая столь важное значение для прокормления Германии во время войны, – все это было чрезвычайно важно с точки зрения стратегии измора, борьбы на выдержку, и все это было ничтожно, если бы удалось в 40 дней раздавить Францию и принудить ее к миру. Шлиффен отказывался от защиты этих интересов, а Мольтке-младший и Людендорф стремились и осуществить план Шлиффена, и уберечь каждую пядь германской земли от неприятельского вторжения. Они являлись в одно и то же время представителями идеи стратегии сокрушения и стратегии измора, несовместимых по самой природе своей; чтобы обеспечить Лотарингию от французского вторжения, в ней пришлось оставить три лишних корпуса и два корпуса пришлось перебросить в Восточную Пруссию из числа вступивших уже в Бельгию войск. Правое крыло немцев, от силы которого зависел весь успех наступления, было ослаблено на 5 корпусов. Наличие их, без сомнения, изменила бы ход мировой истории – есть основания предполагать, что мир мог быть заключен французами уже в сентябре 1914 года.

Французы сгруппировали почти все свои силы на тесном пространстве (145 километров) между бельгийской границей и Вогезами. Из 5 армий 4 находились в первой линии, а одна – в резерве за центром, между рр. Маасом и Марной. Для действий в Эльзасе было предназначено правое крыло 1-й армии в составе 9 дивизий, которые, однако, вскоре растаяли, когда наступил кризис на бельгийском и лотарингском участках фронта. Развертывание французских армий с трудом может выдержать даже снисходительную критику. Фронт был очень тесен, особенно принимая во внимание нагромождение на нем с обеих сторон долговременных укреплений; резерв был расположен не за угрожаемым крылом, а в районе, откуда переброска его по различным направлениям представляла большие трудности. Очевидно, французы находились под влиянием представлений о протяжении фронта в бою и длительности боевых столкновений, отвечавших масштабу 1870 года, но решительно устаревших в XX веке, и имели в виду переход в наступление половиной своих сил на 80-километровом фронте между крепостью Мец и Вогезами. Последний маневр не обещал никакого успеха; оба фланга французского наступления подставлялись под удары немцев, и чем далее углублялась эта часть французских армий в Лотарингию, тем сомнительнее становилось их положение и тем труднее было бы за их счет выделить поддержку на север против обходного движения немцев через Бельгию. Стратегическая мысль, легшая в основу французского развертывания, отстала от требований времени по

крайней мере на полстолетия. Борьба с германским обходным движением через Бельгию намечалась посредством прорыва французского левого крыла в Люксембург, что грозило перерезать сообщения обходящих армий с Германией. Основная задача, рисовавшаяся французскому командованию, заключалась в том, чтобы выдержать первый натиск главной массы германских войск, имея в виду, что в течение ближайших же недель должен был сказаться натиск русских войск на восточный фронт Германии, в связи с которым Германия должна была ослабить свои силы на французском театре переброской их на восток.

Перед Россией стратегическая обстановка ставила трудную проблему. Главную массу живой силы неприятеля на русском фронте образовывали австрийцы, и русский удар, чтобы не быть направленным впустую, должен был нацеливаться преимущественно на австрийский фронт. Но так как Германия, конечно, являлась менее восприимчивой к тяжелому поражению армий своего союзника, чем к вторжению русских войск непосредственно в ее пределы, то для разгрузки французского фронта русские, согласно военной конвенции, обязаны были, одновременно с наступлением против Австрии, наступать и на германском фронте. В связи с возможностью направления главного удара Германии не на французский фронт, а на русский, план войны русского генерального штаба предусматривал два варианта: **Г**, в случае обнаружения сосредоточения крупных сил германцев в Восточной Пруссии, и **А**, когда главным врагом являлась Австрия. По плану **Г** против Германии направлялось 672 б-на, а против Австрии – 552 б-на; по плану **А** – против Германии – 480 б-нов, против Австрии – 744 б-на. Принят был к выполнению план **А**, так как нарушение нейтралитета Бельгии ясно обнаружило направление главных сил Германии на французский фронт.

1914 год

Западный фронт

6. Участие в войне Бельгии. Бельгийскому правительству был известен первый вариант плана графа Шлиффена – обхода французского укрепленного фронта в общем направлении движения крайнего правого фланга немцев на Седан. Политика бельгийского правительства сводилась к тому, чтобы ограничиться дипломатическим протестом против нарушения нейтралитета этого угла Валлонии. Во избежание каких-либо недоразумений все бельгийские войска были расквартированы на левом берегу Мааса; один батальон, расположенный на правом берегу, должен был при первых осложнениях отойти к Намюру; на территории предполагаемого пути нашествия германцев не должно было производиться формирования хотя бы слабых отрядов из состава пограничной и лесной стражи. Однако в ультиматуме, предъявленном 2 августа, германское правительство давало понять Бельгии, что оно нуждается в более обширной полосе бельгийской территории для совершения своего обхода, так как предложением немцы избрали предполагаемое сосредоточение французов в районе Живе – Намюр. Бельгия ответила на этот ультиматум отказом, однако надежда остаться в стороне от вихря войны не была еще окончательно утрачена в Бельгии. Французский посол немедленно предложил направить для защиты бельгийской территории 5 французских корпусов; это позволило бы очень солидно занять линию р. Мааса и защитить от вторжения важнейшую часть бельгийской территории, но, с другой стороны, определенно бросало Бельгию в лагерь Антанты и обращало ее территорию в главный театр вооруженной борьбы. Поэтому бельгийское правительство отказалось от французской помощи. Стремясь пропустить германцев мимо себя, не втягивая в бой бельгийские войска, Бельгия решила не развертывать бельгийскую армию на сильной и заблаговременно подготовленной позиции на р. Маас, а отвести сосредоточение армии назад, на полпути от Мааса к столице Бельгии – Брюсселю. Даже когда 5 августа германцы с незначительными силами (6 немобилизованных бригад) предприняли атаку крепости Льежа, бельгийское правительство приказало 3-й дивизии, оборонявшей крепость, отступить. Это позволило ген. Людендорфу во главе горсти войск захватить 7 августа город Льеж; форты же крепости, в которых оставались гарнизонные части, были последовательно взяты немцами в течение следующих 10 дней.

Бельгийская пехота

14 августа немцы закончили развертывание своих армий и перешли в наступление. 18 августа передовые части 1-й германской армии Клука вступили в соприкосновение с бельгийской армией. Последняя не стала ввязываться в серьезный бой и вечером 18 августа форсированным маршем начала отходить к Антверпену и 20-го укрылась под защиту его фортов. Таким образом, бельгийцы ни на один день не задержали наступления немцев. Последние, захватив Брюссель, изменили направление своего движения на юго-запад, прикрывшись против Антверпена всего одним (III резервным) корпусом. Несмотря на слабые силы этого заслона, бельгийцы в Антверпене оставались спокойными зрителями кровавых боев на французском фронте до тех пор, пока успех французов на Марне не позволил им окончательно определить линию своего поведения: 9 сентября бельгийская армия произвела первую крупную вылазку против германских тыловых путей, пролегавших через Бельгию.

7. Пограничное сражение. Одновременно с немцами и французы к 14 августа закончили в основных чертах свое сосредоточение. В сообщении французской ставки от 10 августа указывалось на предстоящее большое сражение на фронте от Маастрихта до Базеля (от голландской до швейцарской границы), в котором будут совместно действовать французская, английская и бельгийская армии. Однако предпосылками для этого сражения Маастрихт – Базель должны были явиться упорная оборона Льежа и реки Мааса бельгийцами, медленное вторжение германцев в Бельгию, своевременная готовность английской армии и быстрое движение левого крыла французов. Французы, перейдя в наступление 14 августа, по-видимому, имели в виду все эти предпосылки; 10 августа, однако, пал последний форт Льежа; 18 августа, уклонившись в Антверпен, бельгийская армия скрылась из района операций; английская армия собралась только к вечеру 20 августа у Ландресси всего в составе 4 пехотных дивизий и одной кавалерийской, выдвинутой к Мобежу. Слабость сил англичан, уклонение бельгийцев, постепенно обнаружившиеся огромные силы, с которыми немцы вторглись в Бельгию, потребовали от французов усиления их левофланговых армий; для этого было назначено последовательно 3 корпуса (XVIII, IX, XIX) из состава правого крыла (1-й армии); эта перегруппировка также задерживала наступление французов. Это опоздание левого фланга Антанты привело к тому, что вместо фронта Маастрихт – Базель первое столкновение разыгралось на фронте Монс – гора Додан, т. е. вдоль северо-восточной границы Франции. Крайние точки этого боевого фронта находятся на удалении в 340 километров. Два интервала – укрепленный район Нанси – Спринкур и участок по Маасу от устья р. Семуа до крепости Намюр (по 60 км каждый), разделяют это столкновение на 3 отдельных поля сражения.

Бельгийская пехота в походе

1-я и 2-я французские армии должны были наступать в Лотарингии, чтобы обойти с юга крепость Мец и нанести удар вдоль левого фланга германского развертывания. Против 27

французских пехотных дивизий здесь в 6-й и 7-й германских армиях было только 10 дивизий. Далее к северу находился пассивный участок, занятый с одной стороны укрепленным фронтом Туль – Верден, с другой – Мец-Тионвильским (Диденгофен) укрепленным районом. Севернее укрепленных районов, на р. Семуа, столкнулись 3-я и 4-я французские армии силой в 20 пех. дивизий, имевшие задачу произвести нажим на тылы вторгшихся в Бельгию немецких армий, с 4-й и 5-й германскими армиями равной силы. Наконец, на север оторвалась группа из 5-й французской и английской армий, имевшая задачей собраться на левом берегу Самбры для подачи помощи бельгийской армии. Здесь против 17 1/2 англо-французских пехотных дивизий германцы располагали 32 дивизиями (1, 2 и 3-я армии).

Наступлению в Лотарингию должна была предшествовать демонстрация в Эльзасе; начатая еще 7 августа, она повлекла 9 августа поражение 20 тыс. французов ген. Боно немцами (части XIV и XV корпусов). Второе наступление в Эльзас, предпринятое французами крупными силами (8 пех., 1 кав. див.) одновременно с началом наступления в Лотарингии, имело еще более жалкий результат: в Эльзасе оказались лишь слабые части германского ландвера, которые уклонились от удара, а так как у французов начал назревать кризис в Лотарингии и на бельгийской границе, то им пришлось самим оттянуть наступавшие части и перебросить их в другие районы. Никаких германских войск французы не связали.

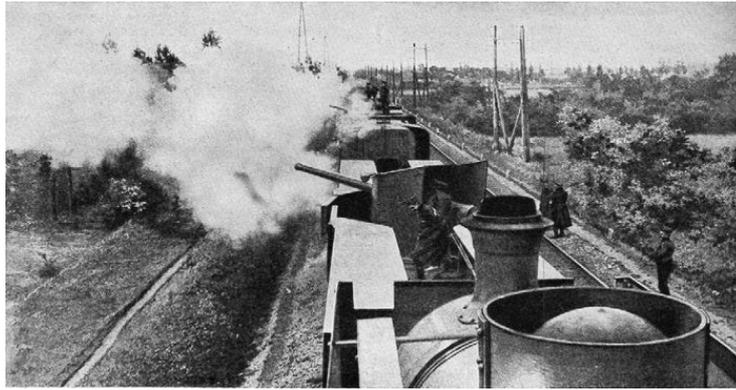

Германские уланы близ г. Визе, пользующиеся бельгийскими собаками для перевозки

В лотарингском наступлении, начатом 14 августа, должно было принять участие до 27 французских пех. дивизий. Однако кризис на бельгийской границе заставил уже 16 августа один из предназначенных к наступлению корпусов (XVIII) перебросить в состав 6-й армии, а 18 августа за ним предназначен был следовать другой (IX) корпус. Вместе с тем другие дивизии, предназначенные для наступления, опаздывали. Большие силы приходилось выделять для прикрытия обоих флангов наступления: левого – со стороны крепости Мец, правой – вдоль гребня Вогезов. В результате, когда 20 августа германские 6-я и 7-я армии, всего до 10 дивизий, перешли в яростную контратаку, французские силы оказались разбросанными; французы не противопоставили немцам сплошного фронта, корпуса друг друга не поддержали и были опрокинуты. 21 августа французы находились уже в полном отступлении; к 27 августа французы с трудом уцепились за укрепления, прикрывавшие фронт Нанси – Эпиналь.

Таким образом, эта попытка французов нанести удар по левому флангу общего германского фронта окончилась полной неудачей.

Встречное сражение на р. Семуа обнаружило в еще большей степени плохую подготовку французов к ведению боя против подвижного, энергичного противника. 22 и 23 августа большая часть корпусов 3-й и особенно 4-й французских армий потерпели крупную неудачу и должны были отойти к р. Маасу.

Бельгийский блендированный поезд

Операция в долине р. Самбры северной группы армий Антанты могла легко принять катастрофический характер. Действительно, фронт союзников был обращен к северу и был атакован от Намюра до Шарлеруа уже 21 августа частями армии Бюлова. На Монс, против англичан, направлялись тройные силы армии Клука. Правый фланг 5-й армии прикрывался течением р. Маас и крепостью Намюр. Атака Намюра была начата германцами (VII корп.) уже 21 августа; в течение двух следующих дней пали важнейшие форты, и 24-го крепость была занята немцами. Что же касается р. Мааса, то бои на Самбре заставили 5-ю французскую армию притянуть на фронт оставленный для занятия переправ на Маасе IV корпус. Таким образом, только одна слабая дивизия занимала эту реку на участке Динан – Живе, на который направилась вся 3-я германская армия. Катастрофы французам удалось избежать только потому, что совместная атака Мааса и Самбры силами 2-й и 3-й германских армий была назначена на 23 августа; между тем два германских корпуса 2-й армии (Гв. и XI), желая обеспечить себе заблаговременные переправы на Самбре, уже 21-го, переправившись с боем через реку, выдвинулись на высоты ее правого берега и успешно отбили контратаки, в которых принимала участие половина 5-й французской армии. Таким образом, французы понесли очень серьезное поражение еще накануне решительной атаки немцев, и генерал Ларензак, командующий французской 5-й армией, оказался вынужденным начать отступление еще до начала общей германской атаки. При этом, так как во французской армии оказалось много еще свежих, даже вовсе не участвовавших в бою частей, то 23 и 24 августа явилась возможность прикрыть отход весьма искусными действиями арьергардов. Французы, совершенно неопытные в наступательном бою, особенно если он имел встречный характер, обнаружили высокую подготовку, когда вопрос заключался в организации обороны, особенно в маневренных условиях арьергардного боя.

Английская армия была атакована ген. Клуком 23 августа, причем правое крыло ее было сильно потеснено. Командующий английской армией в ночь на 24 августа начал отход. Вместе с ним начали отход и французские ополченские дивизии ген. д'Амада, собравшиеся в районе Лилля.

Схема 1. Наступление германских арм. в авг. 1914 г.

Таким образом, на всем 340-километровом фронте пограничное сражение было проиграно союзниками, и проиграно с необыкновенной легкостью. Германцам эта победа стоила сравнительно мало жертв, но дала и относительно немного трофеев – пленных и пушек.

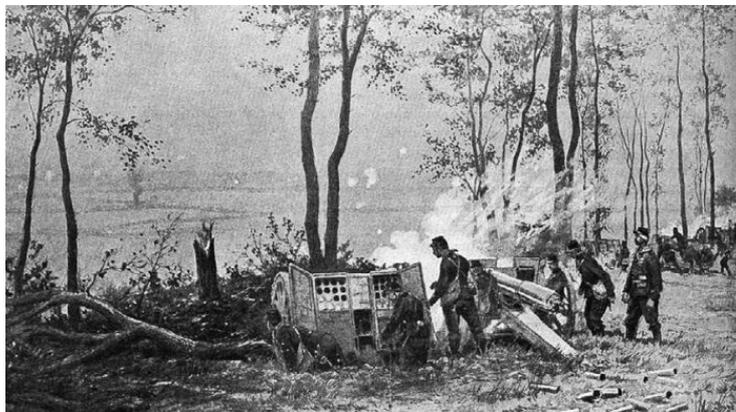
Французы из горького опыта пограничного сражения пришли к выводу о необходимости еще большего напряжения всех средств и сил страны и, в частности, о необходимости пересмотреть пригодность ответственных начальников к занимаемым ими должностям; много генералов было отчислено в резерв и отправлено в г. Лимож (схема № 1).

Английская артиллерия. Выезд на позицию

Что касается немцев, то они переоценили так легко одержанные ими успехи. От их внимания ускользнула легкость, с которой современные армии ускользают от преследования, быстрота, с которой массовые армии, располагающие железнодорожной сетью и всеми средствами

страны, пополняют после неудачных боев свои потери, и оперативные выгоды, которые дает обороняющемуся использование железных дорог для удара во фланг вторгающемуся врагу. Поэтому ген. Мольтке принял два опрометчивых решения. Во-первых, так как во встречных боях французы необычайно легко отбрасывались назад и так как неприятельские крепости легко до сих пор на глазах неприятельских армий захватывались германскими войсками, то Мольтке решил вместо систематического усиления правого крыла вторгающихся во Францию армий, что было связано с затруднениями на пролежавших через Бельгию коммуникационных линиях, развить успех, одержанный в Лотарингии, и прорвать французский крепостной фронт между Верденом и Эпиналем. При успехе получался выигрыш кратчайших сообщений с Германией и двусторонний охват главных сил французов, группировавшихся к западу от Вердена. Не менее чревато последствиями было и другое решение: французская армия, казалось, уже получила смертельный удар и была дезорганизована; чтобы добить ее, не требовалось всей массы наличных сил, а из Восточной Пруссии к моменту пограничной победы на западе пришли донесения об отступлении немецких войск перед Ренненкампом после сражения под Гумбиненом (20/VIII), о вторжении армии Самсонова с юга в Восточную Пруссию, о необходимости отвести германскую армию за Вислу. В этих условиях Мольтке решил перебросить в Восточную Пруссию с запада 3 корпуса и 2 кав. дивизии (в действительности успели отправиться только 2 корпуса и 1 кав. дивизия). Эти войска были взяты за счет армий правого крыла (1-й и 2-й армий). Таким образом, шлиффеновский план вследствие переоценки начальных успехов был искажен в корне: левое крыло вместо пассивной задачи получало активную, правое крыло не только не усиливалось за счет левого, но выделило заслон против Антверпена, корпус для атаки Мобежа, войска для занятия захваченной территории и резервы на восток. Этими распоряжениями сам Мольтке подготовил будущий кризис германского правого крыла на Марне, явившийся переломным пунктом германского вторжения во Францию.

Французская артиллерия в бою

8. Сражение на Марне. Генерал Жоффр стремился после неудачи в пограничном сражении возможно скорее приостановить отступление своих армий. Чтобы парировать перевес сил немцев на их западном, заходящем фланге и воспользоваться самому выгодами охвата, генерал Жоффр 25 августа приступил к организации группы Манури (впоследствии 6-я армия) в районе Амьена. По-видимому, новое сражение намечалось на фронте верхней Уазы и верхней Соммы – Гирсон, С.-Кантен, Перонн, Амьен и далее на Верден, отстоящем всего на 2–3 перехода от фронта пограничного сражения, и должно было состояться через одну неделю после начала отступления (29–30 августа). Однако эти расчеты генерала Жоффра совершенно не оправдались. Во-первых, армия Манури не успела закончить свое сосредоточение, во-вторых, английская армия была атакована германцами еще прежде, чем она отошла на указанный рубеж. 25 и 20 августа между Шельдой и Самброй на фронте Камбрэ – Ландресси англичане оказались втянутыми в бой, понесли решительное поражение и были спасены от уничтожения

только поддержкой французских войск с обоих флангов (частей 5-й армии и группы Манури). Но английская армия потеряла боеспособность и была обречена на безостановочное отступление. Эти обстоятельства заставили Жоффра стремиться оттянуть в возможно большей степени момент для решительного отпора германским армиям: 1 сентября французским армиям была указана предельная линия отступления – фронт Ножан на Сене – Бар-ле-Дюк. Далее отходить было нельзя, так как пришлось бы уступить немцам важные железнодорожные магистрали и рвалась бы связь с маасской укрепленной позицией; после открытия ее тыла французская долговременная позиция по Маасу и Мозелю не могла бы держаться, и французы теряли бы все стратегические выгоды. Пожертвовать связью с Верденом, обречь его на быстрое падение Жоффр все же решился. Верден был спасен по инициативе командующего 3-й армией генерала Сарайля, который крепко держался за него своим правым крылом. Можно было ожидать, что отход на этот фронт, находившийся в удалении от пограничного сражения на 140 километров, закончится не ранее 8 сентября, и, следовательно, для усиления левого крыла на Сене выгадывалось лишних 10 дней с момента прохождения им верхнего течения Соммы и Уазы. 6-я армия Манури для прикрытия Парижа отошла в ближайшие его окрестности и расположилась северовосточнее города, между Уазой и Марной. Для усиления центра из 4-й армии было выделено ядро, которое, усиленное перебросками с востока, образовало 9-ю армию Фоша. Здесь, в центре, по мысли Жоффра, намечался главный удар для прорыва германского фронта.

Французские войска преследуют отступающих германцев после боя у г. Мо на р. Марне

Однако так далеко – за среднюю Сену – французам отступить не пришлось. Наибольшую угрозу для Франции представлял удар по Парижу – столице, централизованной политической и экономической жизни своей страны в неизвестных за пределами Франции размерах. После быстрого падения современных долговременных укреплений на границе трудно было рассчитывать на упорную оборону сильно устаревших фортов Парижа, 2 сентября французское правительство покинуло столицу и переехало в Бордо. Во Франции начало складываться сильное течение в пользу заключения сепаратного мира с Германией. Но уже на следующий день появились признаки, что непосредственная опасность Парижу не угрожает. Если первоначально правое крыло немцев двигалось в направлении на юго-запад по правому берегу р. Уазы, то, пройдя Компьен, оно начало резко заходить в юго-восточном направлении; Париж, который раньше, казалось, лежит в районе германского охвата, оказался вне его; немецкие армии устремились в промежуток между Парижем и Верденом. Еще до Марнского сражения у французского правительства и командования, у всего населения Парижа скатился камень с сердца: столице опасность не грозила, а французская армия из положения охватываемой переходила в положение охватывающей. Генерал Жоффр приказал 5 сентября остановить отступление, а 6 сентября перейти в контрнаступление, нанося удар 6-й армией вдоль Марны во фланг и

тыл правого германского крыла, переправившегося на южный берег Марны, и сосредоточивая главные усилия на прорыве центра.

Отказ германцев от атаки Парижа являлся логическим следствием отправки подкреплений в Восточную Пруссию и решения прорвать со стороны Лотарингии французские укрепленные пограничные позиции. При этом генерал Мольтке еще до начала сражения на Марне пришел к правильным выводам о допущенных им после пограничного сражения ошибках, которые позволили французам выскочить из района германского охвата и делали недостижимой поставленную первоначально цель – прижать всю французскую армию к швейцарской границе.

Германские летчики установили энергичную перевозку французских войск с Эльзас-Лотарингского фронта в западном направлении и сосредоточение в районе Парижа некоторой группы. Поэтому уже 4 сентября генерал Мольтке принял решение – задаться более скромной целью: 1-я и 2-я армии (Клук и Бюлов) должны были развернуться фронтом к Парижу, между Уазой и Сеной, и образовать здесь оборонительный загиб фланга. Центр – 3-я армия – должен был продвигаться на юг между верхними течениями Сены и Марны; центр тяжести активных усилий немцев ложился на 4-ю и 5-ю армии, которые должны были наступать в юго-восточном направлении, между Марной и Маасом, обтекая с запада Верден, и открыть ударом с тыла 6-й и 7-й армиям проход через линию Маас – Мозельских укрепленных позиций французов.

Однако престарелый начальник прусского генерального штаба находился в Люксембурге, слишком далеко от района решительных боев, связь со штабами армий функционировала плохо, авторитет высшего командования был недостаточен, и события приняли оборот, не соответствовавший указаниям этой директивы.

Общее направление маневру германских армий давал ген. Клок, командовавший 1-й германской армией на заходящем фланге. Клок после сражения Камбрэ – Ландресси увлекся преследованием англичан, которые отходили перед ним в сильном расстройстве, и, уже перейдя верхнюю Сомму, начал сворачивать свою армию влево, сначала в направлении на юг, а затем на юго-восток; первоначально инициатива Клука была одобрена высшим командованием, так как смыкание влево давало большую сомкнутость германскому фронту. Клоку, однако, совершенно не улыбалось бездействие, связанное с наблюдением за Парижем в тот момент, когда на востоке будет решаться исход битвы. Поэтому, вместо остановки между Марной и Уазой, еще до получения приказа высшего командования Клок оставил здесь всего один IV резервный корпус, а с остальными 4 корпусами своей армии перешел Марну, отжимая влево соседнюю 2-ю армию Бюлова.

Таково было положение, когда авангард Манури вечером 5 августа, накануне дня, назначенного Жоффром для общего перехода в наступление, завязал близ р. Урк бой с оставшимся в тылу 1-й армии IV резервным корпусом. Этот бой сразу раскрыл перед Клоком обстановку и подчеркнул ему опасность, которая сложилась для всего фронта вследствие его перехода через Марну. Генерал Клок принял энергичное решение – в ночь на 6 августа отвести за Марну II корпус, а затем и остальные 3 корпуса, оставив против английской армии и левого фланга 5-й французской армии только кавалерийский корпус Марвица.

Начавшееся 5 сентября сражение на р. Урк протекало 6, 7 и 8 сентября при последовательном усилении обеих сторон. 9 сентября Клоку удалось охватить армию Манури с севера и нанести ей поражение; но к этому моменту общая обстановка сложилась для немцев неблагоприятно. 40-верстный промежуток между армиями Клука и Бюлова запирались только 2 кав. корпусами, которые 6 сентября задержали с трудом переходившую от отступления в атаку английскую армию и 7 и 8 сентября удерживались впереди и на Марне, но 9 сентября должны были уступить переправы на Марне от Ла-Ферте до Шато-Тьери англо-французам. Правый фланг армии Бюлова, атакованный и охваченный двойными силами 5-й французской армии Франше-д'Эспере, должен был загнуться назад и привлечь к себе резервы со всего фронта

армии, что заставило прекратить развитие успехов на левом крыле 2-й армии и в 3-й армии. 4-я и 5-я германские армии одержали умеренные успехи, прорыв Маас – Мозельского французского фронта не удался. В этих условиях уже 8 сентября высшее германское командование отказалось от продолжения атаки 6-й и 7-й армиями на лотарингском фронте. Эти армии должны были быть сведены в одну и перейти к обороне, а за счет выделения из них сил сформирована новая 7-я армия за угрозой правым крылом немцев. Это решение следовало принять еще 2 недели назад – теперь сосредоточение этой резервной армии опаздывало к решительному моменту сражения на Марне. 1-я и 2-я французские армии, занятые до того боем на лотарингской границе, теперь освобождались и могли быстро усилить французский фронт между Верденом и Парижем.

Генерал Бюлов, обсудив положение с уполномоченным Мольтке, ген. штаба полковником Хешем, 9 сентября принял несколько паническое решение – оборвать сражение на р. Марне и отойти на р. Эн, чтобы восстановить вновь сплошной фронт и связь с армией Клука. 10 и 11 сентября высшее командование распространило решение об отходе на 3-ю, 4-ю и 5-ю армии. 12 и 13 сентября, не теснимые французами, немцы устроились на фронте от Нуайона до позиции севернее Вердена, где и оставались в течение почти всей войны (ср. **сх. 12.** ст. IV «Роль крепостей»).

Англо-индийские войска во Франции

Основными причинами неудачи немцев в битве на Марне явилось преувеличение немцами их победы в пограничном сражении, ослабление их правого крыла и решение произвести попытку прорыва лотарингского фронта. В самом ведении сражения можно отметить несогласованность в работе отдельных армий и чересчур энергичное реагирование на захваченную в начале сражения французами инициативу. Генерал Крук мог попытаться остановить армию Манури, вначале насчитывавшую только 2 ¹/₂ корпуса (к концу сражения – 4), не всей своей армией, а только большей половиной ее – 3 корпусами. Если бы Крук оставил 2 корпуса к югу от Марны, 2-я и 3-я армии сохранили бы возможность продолжать успешное наступление и могли бы разбить французский центр. Идея Жоффра о нанесении здесь немцам главного удара практических результатов не дала. Наконец, Крку на северном берегу Марны выгоднее было бы не наступать на запад от р. Урк, а скорее отойти к востоку, чтобы таким образом закрыть промежуток между 1-й и 2-й армиями. Наконец, если решение отходить 1-й и 2-й армиями к р. Эн было принято, то распространение этого отступления на 4-ю и 5-ю армии было мерой чисто панического характера. Если бы немцы сохранили достигнутые ими позиции между Марной и Маасом на фронте Витри – Вобекур, то длительное удержание французами Вердена явилось бы невозможным, и дальнейшие наступательные действия против Франции значительно бы облегчились.

9. Переход к позиционной войне на западном фронте. После неуспеха на р. Марне вместо ген. Мольтке на должность начальника генерального штаба и, следовательно, ответственного руководителя военными действиями, назначается военный министр, молодой по службе генерал Фалькенгайн.

Отход на р. Эн не явился для немцев окончательным отказом от стремления искать немедленного решения на западном фронте. Но так как дух армий Антанты вследствие марнского успеха значительно поднялся, то для решительных действий нужно было обождать новых подкреплений. Внутри Германии было приступлено к формированию с началом войны 5 новых корпусов, укомплектованных, в значительной их части, добровольцами, преимущественно юношами.

Полевая армия для этих корпусов не выделила кадров, командный их состав, преимущественно из отставных офицеров, уступал энергичной воодушевленной молодежи, пополнявшей солдатские ряды. Готовность корпусов намечалась в половине октября, следовательно, около месяца после отхода на р. Эн немцы были обречены на оборону.

Французы двинулись вслед за отступавшими германскими войсками и уже 13 сентября ввязались в бой на р. Эн. В сражении 13–21 сентября при помощи подоспевших частей 7-й немецкой армии англо-французы были отражены, и здесь установилось равновесие, которое вызывает обоюдный отказ воюющих от активных действий, от использования инициативы и придает войне позиционный характер.

Английская артиллерия. Выезд на позицию

Не успев в прорыве немецкого фронта на р. Эн, французы сосредоточили свои усилия на охвате открытого фланга; так как, вследствие относительного затишья, установившегося на занятом уже фронте и усиленного его укрепления, он мог быть занят не столь плотно, у союзников получилась возможность высвободить с него силы и вводить их в бой на новых участках в охват немецкого фланга. Но эти же приемы высвобождали войска и на немецком фронте. В промежутке от 21 сентября до 15 октября происходил так называемый бег к морю – выливающееся в продолжение фронта стремление к взаимному охвату.

Основной целью Антанты было поддержать атакованную немцами 29 сентября крепость Антверпен, чтобы примкнуть свой фланг к голландской границе. Англичане в особенности были заинтересованы в том, чтобы не допустить эту крепость до падения, что открывало немцам выход на морское побережье. Энергичные поиски, предпринятые германской конницей в начале октября в районе Лилля, Газебрука и Ланса, задержали внимание французов. 9 октября Антверпен пал, а 12 октября немцы прочно утвердились в районе Лилля. Начали поступать от тайной разведки сведения о новой массовой перевозке германских войск через Германию в Бельгию. Это были 4 вновь сформированных корпуса (XXV резервный корпус – пятый вновь сформированный, был направлен на защиту Восточной Пруссии), но у англичан и французов возникло опасение – не становятся ли русские войска после своих успехов на Висле на зимнер-квартиры и не везут ли немцы в Бельгию часть своих сил, действовавших на русском

фронте? Китченер через английского военного агента в ставке обратился к русскому верховному командованию с просьбой – не останавливать наступательных операций против Германии, – и получил перед Лодзинской операцией удовлетворительный с нашей стороны ответ.

К 17 октября немцы из части армии, взявшей Антверпен и достигавшей силы в 5 ¹/₂ дивизий, и 4 новых корпусов образовали новую, 4-ю армию и закончили ее развертывание на фронте Остенде – Куртре. Задача этой армии заключалась в нанесении удара вдоль морского побережья и захвате Кале: при удаче весь англо-французский фронт, обращенный против участка Лилль – Нуайон, был бы смят этим фланговым ударом. 4-й армии содействовала занимавшая район Лилля 6-я армия.

20 октября началось фландрское сражение, вызвавшее колоссальные потери с обеих сторон, но не давшее положительных результатов. Бельгийская армия, успевшая отойти из Антверпена, разрушив шлюзы, затопила долину Изера, так что участок между Диксмюде и морем стал непроходимым. Все действия сгруппировались около Ипра, который защищала переброшенная сюда с р. Эн английская армия. Эта переброска ставила постепенно нарастающую английскую армию в независимое положение от французского командования и позволяла англичанам сражаться непосредственно за свои интересы, не допуская выхода немцев к каналу (Ла-Маншу). Вследствие больших французских подкреплений и упорства командовавшего ими генерала Фоша, а главное – тактической неумелости сражавшихся с большим воодушевлением германских волонтеров, Антанте удалось удержать за собой район Ипра. После ограниченного успеха атак, достигших высшего уровня 30 октября, можно уже было предвидеть, что немцам решительного успеха добиться не удастся. 10 ноября германцы предприняли новый натиск, после чего и здесь борьба приняла позиционный характер. Гибель под Пиром сотни тысяч германских волонтеров, гимназистов и студентов, собранных в плохо обученные и сколоченные части, получившая в Германии оценку как «избиение детей», навсегда лишила Фалькенгайна, умного и дальновидного генерала, популярности в Германии, что создало ему большие трудности в управлении в связи с возмужавшим авторитетом Гинденбурга и Людендорфа, исполнявших на Востоке выигранный партию.

Захват немецкой позиции французской кавалерией

С самого начала войны, оставляя слабые силы против России, Германия могла рассчитывать выиграть только небольшой промежуток времени для нанесения Франции решительного удара. Мирные соображения исходили из расчета 40-дневного срока, после истечения которого Австрии была обещана помощь крупными силами против русских. Этот срок истек к 10 сентября. Спустя два месяца, несмотря на искусство Людендорфа, положение на русском фронте обострилось в сильной степени. Германское командование приняло чреватое крупными последствиями решение – обратиться на западном фронте к обороне и перенести центр тяжести активных действий на русский фронт. Только через 15 месяцев после конца фландр-

ского сражения немцы предприняли на западном фронте операцию, выходящую за рамки местных предприятий – атаку Вердена. За это время Франция имела возможность значительно усилить свои армии техническими средствами, а Англия – сильно подвинуть осуществление китченеровского широкого плана создания сильной сухопутной армии. Германское решение давало победу в руки Англии и Франции, обрекало Россию на ряд тягостных неудач, но, с другой стороны, каждая минута, потерянная Германией на восточном фронте, делала более безнадежным ее положение при окончательном расчете за войну.

Русский фронт

10. Вторжение в Восточную Пруссию. По нашему плану войны для вторжения в Восточную Пруссию намечалась масса в 30 пехотных и 9 ¹/₂ кав. дивизий, разделенных почти поровну на 1-ю и 2-ю армии. Однако эти силы требовали для своего сосредоточения значительного времени, и, если ждать их сбора полностью, пришлось бы начинать вторжение не ранее 28-го дня мобилизации – примерно 27 августа. Чтобы оказать действенную помощь французам, надо было ускорить вторжение по крайней мере на 10 дней; но при переходе границы 17 августа мы могли располагать только 21 пехотной и 8 ¹/₂ кав. дивизиями вследствие неготовности второочередных дивизий.

«Встретились!»

Но так как, по имевшимся сведениям, германцы бросили все свои силы против Франции, оставив против нас не более 6–8 дивизий, можно было рассчитывать на успешное наступление в Восточную Пруссию и с этими силами. Однако наш удар в Восточную Пруссию мог и не отразиться на положении наших союзников. Восточная Пруссия представляет стратегический тупик, отделенный от остальной Германии барьером Вислы, усиленным многими крепостями и тяжелыми батареями и почти неприступным с фронта. Германцы могли спокойно пожертвовать Завислинской Пруссией, разгромить французов, а затем обратиться всеми силами против России. Поэтому, чтобы оказать союзникам помощь, вторжение русских армий в В. Пруссию должно было сопровождаться накоплением к западу от Варшавы, на левом берегу Вислы, армии, которая, наступая вниз по Висле, ударом в тыл заставила бы немцев очистить Вислинский барьер. В такой комбинации русское вторжение грозило самым жизненным интересам Германии и должно было быстро привести к облегчению положения французов.

Походная кухня

Но для приступа к накоплению новой армии в Варшаве пришлось еще ослабить на 4 дивизии силы, предназначенные для вторжения в Восточную Пруссию. В результате 1-я армия Ренненкампа перешла границу 17 августа, имея $6\frac{1}{2}$ пех. дивизий вместо намеченных планом $15\frac{1}{2}$ дивизий, а 2-я армия, которой от Нарева предстоял длинный путь походным порядком 20–21 августа, имела 11 неполных дивизий вместо $14\frac{1}{2}$.

Против наших $17\frac{1}{2}$ дивизий немцы располагали в Восточной Пруссии 9 первоочередными дивизиями (1-я арм., 1-я резервная, XVII, XX арм. корпуса, 3-я резервная дивизия) и 6 второочередными дивизиями (Бродрика, фон дер Гольца, Мюльмана + 3 ландверные бригады); сверх того, значительное количество ландштурма, большое количество крепостей при обилии добровольцев облегчало быстрое формирование новых частей и пополнение убыли в войсках. Сверх того, ввиду действенности произведенного нами давления на Германию ген. Мольтке 22 августа отдал распоряжение о перевозке на восток с французского фронта 6 пех. дивизий (3 перволинейных корпуса) и 2 кав. див.; хотя эти дивизии еще не высадились 28–29 августа, к моменту решительного кризиса на фронте армии Самсонова, однако нахождение резерва в составе 4 свежих дивизий в вагонах на рельсах, в пути к фронту, значительно облегчало положение германского командования. И в сражении под Гумбиненом 20 августа против Ренненкампа, и под Танненбергом против Самсонова 26–27 августа германцы имели перевес в силах над нами. Кавалерией русские были сильнее, но в артиллерии подавляющий перевес имелся у немцев. Ввиду крайне враждебного отношения населения, недостаточности подготовки для современной войны и очень плохих кавалерийских высших начальников, русская кавалерия не сыграла заметной роли. Германцы извлекли огромные выгоды из железнодорожной и телефонной сети, покрывавших Восточную Пруссию. Вследствие преступной небрежности русских штабов распоряжения русским войскам передавались по радио в незашифрованном виде, и группировки и задачи русских были совершенно ясны нашему противнику.

Первый георгиевский кавалер донской казак Козьма Крючков, убивший один 11 немцев и получивший 16 ран

Генерал фон Притвиц, командующий 8-й германской армией, решил сначала нанести удар 1-й русской армии, наступавшей от среднего Немана в обход Мазурских озер с севера. В сражении под Гумбиненом 20 авг. при равной численности армий – около 110 тыс. – против 380 русских пушек действовало 500 германских. Сражение имело нерешительный результат: правое русское крыло было смято, но в немецком центре – XVII корпусе – наш огонь вызвал панику. Немцам нужна была решительная победа, так как в случае, если действия против армии Ренненкампаф затянулись бы, русская 2-я армия ген. Самсонова нанесла бы поражение оставленному против нее заслону – XX корпусу – и перерезала бы путь отступления немцев. Генерал Притвиц принял решение – отойти за Вислу. Это было наиболее мудрое решение, отвечавшее предположениям русского генерального штаба. Но германское верховное командо-

вание слишком чутко относилось ко всякой утрате территории; на место Притвица был поставлен Гинденбург, отставной генерал, долженствовавший шапронировать героя Льежа, генерала Людендорфа, который был послан начальником штаба на восточный фронт, ему была обещана немедленная отправка больших подкреплений с западного фронта. Людендорф принял решение – оставив одну кавалерийскую дивизию и гарнизон Кенигсберга против армии Ренненкампа, еще не оправившейся от Гумбиненского сражения и медленно наступавшей с определенным тяготением к крепости Кенигсберг, со всеми остальными силами обрушиться на армию Самсонова. Мы боролись с завязанными глазами с противником, которому радиотелеграф открывал все наши секреты.

Полковник кн. Эрстов и ротмистр бар. Врангель после взятия батареи у дер. Каушен в Восточной Пруссии, оба награждены орденом св. Георгия 4-й степени

Движение нашей кавалерии перед атакой

20—30 августа армия Самсонова, ослабленная еще на 1 корпус (II, переданный Ренненкампу после Гумбинена), потерпела решительное поражение: отдельные корпуса ее попали по частям под удары противника, так как армия разбросалась: левый ее фланг – 1-й армейский корпус – был привязан к Сольдау, центр наступал в северо-западном направлении, правое крыло, во исполнение предписания командующего фронтом ген. Жилинского, оторвалось в северном направлении. Разбив двойными силами VI правофланговый русский корпус и прорвавшись между левым крылом – I корпусом – и центром Самсонова, сбивавшим XX германский корпус, немцы сумели окружить и уничтожить 5 дивизий русского центра (XIII, XV и часть XXIII корпуса). Поздно предпринятая попытка обоих крыльев выручить центр (30 августа) не удалась. Самсонов со своими 125 батальонами сам зашел в мешок, дерзко наступая в предположении, что против него только 75 германских батальонов, когда их было свыше 150 при вдвое превосходившей его артиллерии. Его указания на необходимость приостановиться армии не были приняты во внимание. Французский посол настаивал на скорейших и энергичных действиях; принимая во внимание шатание умов во Франции до начала сражения на

Марне, энергичное выполнение взятых на себя по военной конвенции обязательств было для России, может быть, не только долгом чести...

Его императорское Величество Император Николай Александрович в ставке Главнокомандующего 22 сентября 1914 года

Ренненкампф не успел оказать Самсонову помощи, так как внимание его было привлечено Кенигсбергом; два высланных корпуса приблизились, когда уже со 2-й армией было покончено, и должны были быстро отойти назад.

В этот момент у австрийцев в Галицийской битве назревал решительный кризис. Помощь, оказанная австрийцам – наступлением или через Нарев, оставшийся почти без защиты, или переброской войск в Галицию (проще всего было свернуть в Галицию 2 корпуса, перевозившиеся из Франции) – могла бы спасти австрийцев от первого разгрома, который для австрийской армии оказался роковым. Но германцы решили сначала обеспечить свои интересы и отбросить армию Ренненкампфа из Восточной Пруссии.

Восточная Пруссия. «На разведке»

Силы 8-й германской армии возросли до 13 первоочередных и 6 второочередных дивизий. У Ренненкампфа силы возросли до 13 $1/2$ дивизий, но в том числе только 8 $1/2$ из них были перволинейными. Правда, южнее, на фронте Осовец – Августов, русское командование начало собирать новую 10-ю армию, и 2 корпуса последней (XXII – Финляндский и III – Сибирский) уже заканчивали высадку; однако не готовая 10-я армия не сумела оказать помощи 1-й армии, которая была обойдена с левого фланга и спаслась лишь поспешным отступлением. Тактическому поражению подверглись только авангард XXII корпуса (из 10-й армии) и левофланговый II корпус 1-й армии; бои на фронте протекали довольно удачно, но второочередные несплоченные дивизии при отступлении бросили часть своей артиллерии и потеряли много разве-

жавшимися, попавшими в плен. К пяти дивизиям, потерянным во 2-й армии, пришлось присоединить потерю в три дивизии, которые в армии Ренненкампа, собиравшейся на Немане, были расформированы на пополнение убыли в других дивизиях.

Дежурный генерал штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенант Кендзевский и члены его управления

13 сентября операция немцев против Ренненкампа была закончена. Германские войска получили возможность теперь, обеспечив пределы своей территории, помочь австрийцам. Но последние уже к 11 сентября потеряли возможность держаться под русским натиском и находились в полном отступлении; трудность задачи помочь австрийцам усугубилась во много раз.

Причинами неудачи, постигшей русское вторжение в Восточную Пруссию, является, прежде всего, дерзкий замысел – начать вторжение с вдвое меньшими, против плана, силами и размахнуть угрозу немцам и по левому берегу Вислы. Немецкая печать упорно утверждала, что Ренненкампа начал вторжение в Восточную Пруссию с 24 дивизиями, и объясняла возможность сосредоточения такой массы только тем, что русские начали мобилизацию задолго до ее официального начала; это утверждение встречается даже в таких трудах, как «Воспоминания» Людендорфа, хотя германские штабы, как это выясняется по архивным документам, были очень хорошо осведомлены о действительных силах русских. Эта дерзость русского генерального штаба – начать наступление со слабыми силами и притом по двум различным операционным направлениям – находит себе, однако, полное оправдание в необходимости разгрузить французский фронт к моменту решительного кризиса и в необходимости всемерно форсировать наступательные действия на германском фронте ввиду существовавших в мирное время расчетов на переброску больших сил германцев с запада на 40-й день с начала мобилизации.

Генерал от кавалерии Александр Васильевич Самсонов, убит 18 августа 1914 года

Идея вторжения с двух сторон оправдала себя: успех Ренненкампа под Гумбиненом объясняется, прежде всего, давлением армии Самсонова на сообщения германцев; нужно было лишь, чтобы в момент кризиса у Самсонова, такое же, но непосредственное, давление на тылы немцев произвела и армия Ренненкампа. Однако ген. Жилинский сделал ту же ошибку, что и Мольтке после пограничного сражения; он переоценил достигнутый успех, забыл о необходимости сосредоточения сил на поле сражения и думал только о преследовании. Известное дилетантство русского командования – сев. – западным фронтом и 1-й армией – сказывается

в отвлечении внимания в самые важные моменты на крепость Кенигсберг, которая никому не мешала и могла быть взята, когда окажутся свободное время и войска.

Главная наша ошибка – переоценка легкости вторжения в Восточную Пруссию, недостаточный учет многочисленных второлинейных германских формирований, прекрасно дравшихся при защите германской земли. И теперь историки войны еще находятся под впечатлением этой легкости задачи, и победа немцев, вполне естественная при сложившихся условиях, рисуется как бы чудом искусства.

Немецкое командование, проиграв битву на Марне, чтобы изгнать слабые русские силы из Восточной Пруссии, совершило несомненно гораздо более грубую ошибку, чем все наши ошибки, вместе взятые.

Наши неудачи в Восточной Пруссии, помимо материального ослабления русской армии, оказались очень невыгодны для нас в том отношении, что германские войска и начальники приобрели значительный моральный перевес над русскими войсками и начальниками; немцы становились дерзкими, а мы – робкими. Галицийская битва обусловила противоположное соотношение между австрийскими и русскими войсками.

Язвой русской армии был радиотелеграф. В начале войны в армии Самсонова важнейшие оперативные распоряжения отдавались по радио даже в незашифрованном виде по небрежности штабов. Затем мы начали шифровать депеши, но каждый шифр, если государство может позволить себе роскошь содержания института с 80 специалистами, может быть в 24 часа разобран. В течение всего 1914-го и начала 1915 года германское командование, не тратя сил на разведку, в точности знало не только расположение наших войск, но и пункты, которых они должны достичь на следующий день, намерения нашего командования и даже пререкания между отдельными начальниками. В этих условиях германскому командованию немудрено было проявить себя гениальным. Наш радиотелеграф создал репутацию Гинденбурга и Людендорфа. Только к лету 1915 г. русскому верховному командованию удалось обуздать радиотелеграф, и сразу же успешность германских маневров существенно понизилась.

11. Галицийская битва. Мы имели в виду нанести с самого начала войны решительный удар австро-венгерской армии, для чего сосредоточить против нее подавляющие силы и, пользуясь охватывающим положением, которое имела наша государственная граница по отношению к Галиции, охватить с обоих флангов австрийские армии, которые, по известным нам предположениям австрийского генерального штаба 1912 года, главной массой должны были сосредоточиться к востоку от Сана (см. **схему № 2**).

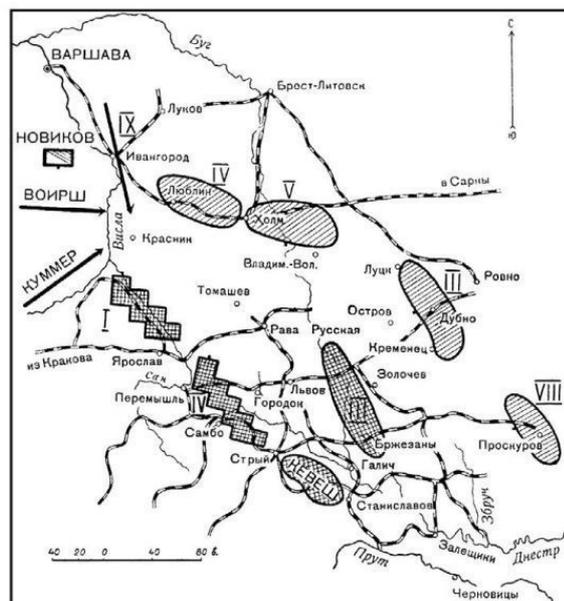

Схема № 2. Галицийская битва 23 авг.–1 сент. 1914 г.

Чтобы удержать инициативу в своих руках и использовать период, когда главные силы германцев были отвлечены на французский фронт, нам приходилось торопиться. В пределах Киевского военного округа 8-я армия (южная) должна была начать наступление 18 августа, чтобы 21 августа совместно с 3-й армией перейти границу. Общее наступление намечалось на 19-й день, когда наше сосредоточение далеко не было закончено. Для операции в Галиции мы предназначали 47 $\frac{1}{2}$ пех. дивизий и 18 $\frac{1}{2}$ кав. дивизий, но из этого числа к 27 августа, когда бои разгорелись уже по всему фронту, мы могли иметь только $\frac{3}{4}$ назначенных сил. Легче и быстрее всего собирались войска на фронте Киевского округа, и дольше всего сосредоточение задерживалось в пределах Варшавского военного округа, особенно в 4-й армии в районе Люблина, из 12 дивизий которой 5 прибывали лишь после 27 августа. В общем, в начале Галицийской битвы мы имели 40 дивизий против 86 австрийских, в конце – 51 $\frac{1}{2}$ против 42 австро-германских.

Переправа через р. Сан 2 сентября

По австрийскому плану мобилизации 10 корпусов были привязаны к русскому фронту, а 3 корпуса (5-я и 6-я армии) – к сербскому. Они входили в первую очередь перевозок по сосредоточению (лит. А.). 4 корпуса (2-я армия) образовывали вторую очередь – (лит. В.), которая могла быть направлена на тот или другой фронт.

Галиция. Солдаты запасаются водой в баклажки

Так как русская мобилизация началась в момент, когда Австрия рассчитывала быстро расправиться с Сербией, то она застала Австрию в период, когда на сербский фронт началась уже перевозка и 2-й армии, составленной из 4 корпусов, которые намечались к перевозке в

Галицию во вторую очередь. Специалисты по железнодорожным перевозкам высказали мнение, что немедленно свернуть большую часть из 2000 поездов, катившихся к Дунаю, в Галицию и перебить ими перевозку ближайших к Галиции корпусов – невозможно, так как это вызовет большую сумятицу. Пришлось довести 2-ю армию до Дуная, высадить ее там, вернуть на железнодорожные линии, ведущие к русскому фронту, подвижной состав, перевезти 1-ю, 3-ю и 4-ю армии и затем, с 18 августа, в последнюю очередь, начать перевозку с Дуная в Галицию второй армии. Она попала только ко второй половине Галицийской битвы. Чтобы устранить затруднения, связанные с изменением развертывания, пришлось потерять много времени; только 4 августа было назначено первым днем общей австрийской мобилизации, и только в ночь на 6 августа началась массовая перевозка австрийских войск в Галицию. По крайней мере 4 дня были выиграны русскими из-за австрийской частной мобилизации.

Галиция. Гор. Галич. Отбитые нами у австрийцев орудия

Надеждам ставки на охват с обоих флангов австрийского развертывания не суждено было осуществиться. Весной 1914 года начальник австрийского генерального штаба Конрад фон Гетцендорф принял более осторожный план; считаясь с превосходством сил русских и со слабым содействием, которое в первый месяц войны могла оказать германская армия, Конрад отодвинул все развертывание австрийских армий к западу так, что главная масса австрийских войск – 1-я армия Данкля и 4-я армия Ауфенберга – собиралась между Вислой и Перемышлем и направлялась на участок от Вислы до Холма. Кроме того, на левом берегу Вислы наступал 1-й австрийский и 1-й германский корпус. Здесь, в общем, не менее 24 австрийских дивизий направлялись против 18 русских дивизий, причем с запада охватывали не мы, а австрийцы. Против наших 3-й и 8-й армий, наступавших с востока массой в 22 пех. дивизии, Конрад оставил заслон – 3-ю армию Брудермана и группу Кевеша – силой не более 12 пех. дивизий.

Вступление русских войск во Львов

На стенах казарм в Львове изображены формы одежды австрийских войск. Пленные австрийцы дают объяснения их русскому офицеру

Австрийцы постарались захватить инициативу наступления, несмотря на то, что они опаздывали на 4 дня в сосредоточении, сравнительно с мирными предположениями, и на вероятное превосходство русских сил. Русская победа под Гумбиненом вызвала не только переброску из Бельгии германских корпусов, но и обращение императора Вильгельма II к австро-венгерскому верховному командованию с просьбой о скорейшем переходе в наступление, дабы помочь германцам отстоять Восточную Пруссию. 20 августа паника XVII германского корпуса подарила Ренненкампу победу, а уже 22 августа 1-я и 4-я австрийские армии начали свое движение на север. Как русские армии шли на поражение в пределы Германии в конце августа и в ноябре 1914 года для сомнительных выгод англо-французов, так и Конрад поспешил, чтобы угодить Германии, с наступлением австрийцев, вначале успешным, но приведшим в результате их к поражению. Австро-венгерские кавалерийские дивизии были брошены вперед уже 15 августа, но самостоятельная работа конницы не имела успеха; кавалерия повсюду была с потерями отражена нашими передовыми частями (первый бой под Красником).

Группировка сил определила ход событий. 23–27 августа наша 4-я армия ген. Эверта в борьбе с превосходящими силами австрийцев испытала ряд неудач и была вынуждена отойти на ближайшие позиции к югу от Люблина. Наше стратегическое развертывание, допустившее такую слабость 4-й армии, было явно ошибочным. Но современная обстановка, вопреки известной мысли Мольтке, допускает исправлять и ошибки в первоначальном развертывании:

с 25 по 30 сентября полился непрерывный поток подкреплений, перебрасываемый по железной дороге к 4-й армии и на оба ее фланга, увеличивший здесь наши силы с 7 до 17 дивизий. Кроме 3 второочередных дивизий, опоздавших к началу боев на фронте 4-й армии, сюда были переброшены находившийся в пути с Кавказа III Кавказский корпус и XVIII и Гвардейский корпуса, являвшиеся частью собиравшейся у Варшавы 9-й армии. Группа войск, собиравшаяся на правом фланге 4-й армии, была объединена в составе 9-й армии. Уже 27 августа австрийцы почувствовали возросшую силу русского сопротивления; для усиления армии Данкля в ночь на 29 августа был переправлен у Юзефова австрийский корпус Куммора, а в ночь на 5 сентября – германский ландверный корпус Войрша. Тем не менее наше положение к югу от Люблина становилось все устойчивее, инициатива переходила к нам, а очищение левого берега Вислы австро-германцами открыло простор действиям нашей кавалерии ген. Новикова, который глубоко продвинулся вверх по левому берегу Вислы.

Моментом решительного перелома надо считать 1 сентября, когда австрийский X корпус, желая использовать промежуток между 4-й и 5-й русскими армиями для охвата левого крыла 4-й армии, захватил станцию Травники на жел. дороге Люблин – Холм. Уже 2 сентября спешно собранные нами 30 батальонов из состава 3 корпусов под командой ген. Мрозовского нанесли у сел. Суходолы сильное поражение X австрийскому корпусу. С этого момента неприятелю приходилось думать только об обороне.

Так как армия Ауфенберга следовала уступами назад по отношению к армии Данкля, то и столкновение ее с 5-й русской армией ген. Плеве имело место на 3 дня позже. Большая часть 5-й армии – XIX, V и XVII корпуса – 7 пехотных дивизий, в течение 26–30 августа вступили во встречный бой с 10 австрийскими дивизиями армии Ауфенберга в районе к северо-востоку от г. Томашова. Значительные промежутки отделяли это поле сражения от соседних – 4-й и 3-й армий. Эта Томашовская операция представляет большой интерес вследствие чрезвычайно сложных положений, получившихся в результате желания обеих сторон – нанести противнику фланговые удары, и обилия превратностей судьбы боевых столкновений. В один и тот же день, 28 августа, русский центральный V корпус уничтожил 15-ю гонведную дивизию, глубоко охватившую наш XIX корпус, а XIV австрийский корпус смял фланговым ударом большую часть нашего XVII корпуса. К концу сражения австрийцам удалось нас широко охватить, однако наше положение являлось вполне удовлетворительным.

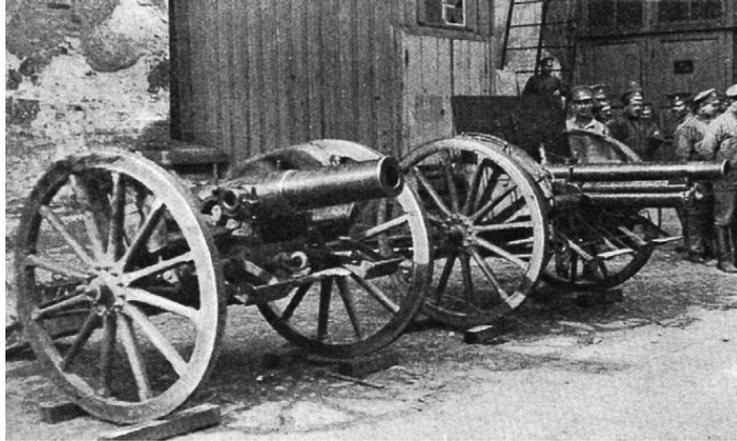
Австрийцы сильно выдохлись, для фронтального натиска у них не имелось энергии, беспрерывная паника уничтожала плоды их успехов – кавалерийские дивизии исчезали, все левое их крыло, вышедшее нам почти в тыл, под натиском конницы Абрама Драгомирова в панике откатилось в последний день назад, на линию своего фронта. Однако под влиянием сведений о катастрофе, постигшей армию Самсонова, командующий армией ген. Плеве, чрезвычайно энергично руководивший до того операцией, не выдержал и вечером 30 августа дал своей армии приказ отступить.

Австрийцы получили передышку, в которой чрезвычайно нуждались. С 13 августа наша 3-я армия, а затем и 8-я начали наносить сильные удары оставленному против них заслону 3-й австрийской армии и группе Кевеша. При почти двойном превосходстве наших сил и при введении в бой австрийских сил по частям, эти бои – на р. Золотой Липе, а затем на р. Гнилой Липе – привели к вечеру 17 августа к полному разгрому австрийского заслона. 2 сентября нами был занят Галич, а 3 сентября – без боя – покинутый в панике австрийцами Львов.

Поражение заслона, прикрывавшего с востока наступление австрийцев на север между Вислой и Зап. Бугом, заставило Конрада отказаться от первоначального плана и попробовать, действуя по внутренним операционным линиям, бросить главную массу австрийских войск против наступавших с востока русских армий. В промежуток 31 августа – 5 сентября, пользуясь свободой, предоставленной им отходом Плеве, австрийцы оставили против него только 4 дивизии, а основную массу своей 4-й армии, приведенную в порядок 3-ю армию и закончив-

шую, наконец, сосредоточение с сербского фронта 2-ю армию бросили в наступление против наших 3-й армии ген. Рузского и 8-й армии ген. Брусилова.

Наши 3-я и 8-я армии к западу от Львова на линии Рава-Русская – р. Верещица в упорных боях 4—10 сентября выдержали этот австрийский натиск. Но австрийский заслон, долженствовавший прикрывать этот удар – теперь уже с севера – был сметен русским наступлением.

Орудия, взятые русскими войсками во время отступления австрийской армии под Львовом

Успехи 4-й армии справа и взятие Львова 3-й армией слева позволили уже вечером 3 сентября остановить отступление русской 5-й армии, на которую никто не наседал, и поворотить ее обратно. Уже 5 сентября армия Плевел отбросила ничтожные силы австрийцев, находившиеся против нее, и, действуя в прорыве между 1-й и 4-й австрийскими армиями, разделилась, направив по два корпуса во фланг и тыл противнику – на запад, против 1-й армии Данкля, и на юг, против 4-й армии Ауфенберга.

Галиция. Еврейки – продавщицы воды

С 4 сентября наши 4-я и 9-я армии уже вели наступление против Данкля. 9 сентября последний был окончательно сбит и начал уходить за Сан. 10 сентября генерал Конрад, несмотря на свое упорство, пришел к убеждению в безнадежности дальнейшего сопротивления. 11 сентября австрийцы находились в полном отступлении. В наиболее угрожаемом положении находилась 4-я армия Ауфенберга, в тыл которой выходили большие силы нашей 5-й армии. Приказав бросить обозы, чтобы не загромождать дорог, генерал Ауфенберг сумел проскользнуть с пехотой и артиллерией перед фронтом несколько замаявшейся конницы 5-й русской армии.

Мы хотели австрийцев в Галиции окружить и истребить; вместо этого мы просто вытеснили их из Восточной Галиции. Половинчатость нашего успеха объясняется постоянным опасением М. В. Алексеева, руководившего этой операцией в должности нач. штаба юго-западного фронта, за наш центр – 5-ю армию ген. Плеве, а также опасением его выдвигать вперед наши крылья, чтобы не подставить их под удар с фланга или тыла неприятелю.

Большое значение также имел временный выход Плеве на поле боя 31 августа – 4 сентября, что вызвало трудные для 3-й армии бои у р. Равы-Русской и настолько поглотило силы 3-й и 8-й армий, что они не заметили начала отступления неприятеля и не в силах были его преследовать.

Галиция. На привале

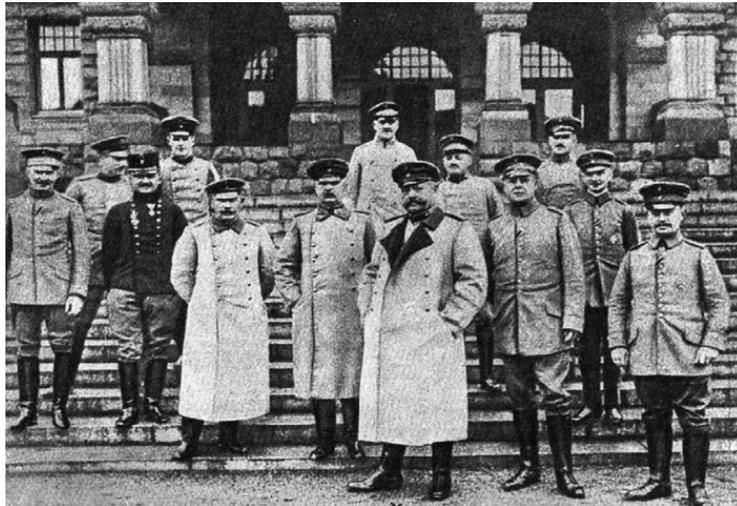

Пленные австрийский офицеры и нижние чины

Критикуя эти достижения, не надо, однако, забывать, что в течение ближайших дней, следовавших за 29 августа, тыл всей Галицийской операции после поражения армии Самсонова не был ничем прикрыт со стороны Восточной Пруссии. Направление в этот момент подкреплений, необходимых, чтобы преодолеть кризис в районе Люблина и продолжать наступление в Галиции, вместо того чтобы заслониться на Нареве от германцев, представляет большой плюс русского верховного командования. При всей их неполноте, успехи русских в Галиции в течение первых шести недель войны оказались достаточными, чтобы нанести австро-венгерским армиям такие удары, которые оказались смертельными для всего государственного организма двуединой монархии. Австрийские войска, шедшие в первые бои с большим подъемом, в течение остальной войны представляли уже второсортный материал.

12. Ивангород-Варшавская операция. Успех Гинденбурга – Людендорфа в Восточной Пруссии и поражение Конрада в Галиции выдвигали теперь перед германским командованием задачу – помочь австрийцам. Прорыв Нарева, представлявший для русской армии

большую угрозу в первых числах сентября, представлял теперь чрезвычайный риск, так как поставил бы небольшую германскую армию лицом к лицу со всеми русскими силами. Австро-венгерские войска главной своей массой устремились в узкий коридор между Вислой и Карпатами; нужно было прежде всего вернуть им боеспособность, остановить их, вновь повернуть против русских, а для этого требовалась непосредственная поддержка. Немецкое командование приняло решение – оставить для защиты в Восточной Пруссии 8-ю армию в составе 5 первоочередных пехотных и 1 кав. дивизий, а также второлинейных формирований, а из остальных сил – 9 перволинейн. пех. и 1 кав. дивизий – сформировать новую 9-ю армию, которую перебросить в Силезию. К 27 сентября эти части развернулись от Кракова до Ченстохова; ландверные части (дивизия графа Бредова) продолжали левое крыло 9-й армии до Калиша. Еще далее, до Торна, фронт продолжался ландштурмом, собранным в 3 корпусных округах; на правое крыло 9-й армии был притянут корпус Войрша. Кроме того, для действий на левом берегу Вислы была предназначена 1-я австрийская армия Данкля.

Главнокомандующий германскими войсками на русском фронте фельдмаршал Гинденбург со своим штабом. Слева его начальник штаба Людендорф

Уже на следующий день началось наступление 21 германо-австрийских дивизий, направлявшихся к северу от Верхней Вислы; они нацеливались для широкого охвата фронта русских армий, одержавших победу в Галиции.

Русские войска, преследуя австрийцев, были задержаны командованием на р. Вислоке; ввиду поступивших сведений о появлении германских войск в Силезии русскому верховному командованию удалось заблаговременно начать контрманевр; к осуществлению его мы успели приступить за 4 дня до начала германского наступления; под прикрытием Вислы 5-я, 4-я, 9-я армии от р. Сан были оттянуты на север и развернулись вдоль Вислы, по обе стороны Ивангорода, а 2-я армия, пополненная тремя сибирскими корпусами с р. Царева, сосредоточилась к Варшаве. В Галиции оставались только 3-я и 8-я армии, которые отошли за р. Сан.

Переправа через Вислу у Ивангорода

Германская армия, находившаяся уступом за северным крылом австрийцев, ожидала, что, преследуя австрийцев, мы втянемся в узкое пространство между Вислой и Карпатами или двинемся через Карпаты в Венгрию, чтобы броситься на наш открытый фланг и тыл. Но русское командование не повело свои армии в заготовленную западню. Тогда германцы сами перешли в наступление, являвшееся несвоевременным ни по численному составу германской армии, ни по состоянию австрийских войск, еще не оправившихся от галицийского поражения (см. схему).

Ивангород-Варшавская операция 1914 г.

Конница – 5-я кав. дивизия ген. Новикова – отходила на левом берегу Вислы перед германской армией, прикрывая эту сложную перемену операционных линий русских армий.

Крупной шероховатостью русского маневра явилось выделение на левый берег Вислы слабых пехотных частей: 4 октября у Опатова бесцельно подверглась полному разгрому гвардейская стрелковая бригада, с которой столкнулись далеко превосходящие части 9-й германской и 1-й австрийской армий.

Братская могила в Козенецком лесу. Панихида по чинам, павшим в бою 1–2 октября 1914 г.

Благодаря мощной поддержке германской армии 2, 3 и 4-я австрийские армии – масса в 30 дивизий, – получившие пополнение, смогли 4 октября также перейти в наступление. Их задача заключалась в том, чтобы перейти через р. Сан и наступлением между Вислой и Зап. Бугом в северном направлении заставить русских отказаться от обороны р. Вислы. Однако русские планомерно отошли за р. Сан в крепость Перемышль и далее не позволили австрийцам продвинуться ни на один шаг. Вследствие этого центр тяжести австро-германской операции, намечавшийся по плану на правом берегу Вислы, оказался перенесенным на левый берег.

Германцам, рассчитывавшим охватить с севера русский фланг в Галиции, вследствие русского контрманевра стал грозить с севера от Варшавы русский охват. Раз немцам не удалось застать русских врасплох, им надо было стремиться создать выгодные условия себе для обороны, а для этого надо было успеть занять левый берег р. Вислы прежде, чем русские успеют переправиться через реку в значительных силах. Германские корпуса еще двигались вперед, но в основе их маневра выдвинулась оборонительная задача. Первоначально германское наступление нацеливалось левым флангом на Ивангород – теперь приходилось свернуть его в северо-восточном направлении, чтобы протянуть левое крыло до Варшавы включительно.

Русские опоздали устроиться своевременно в достаточных силах на левом берегу Вислы; с 5 по 12 октября германцам, покрывшим в 8—15 дней расстояния в 180–300 километров, с

боем против русской конницы удалось занять весь левый берег до Варшавы. Русские успели задержаться только в предмостных укреплениях Ивангорода и Варшавы; кроме того, в болотах левого берега Вислы у Козенице засели части III Кавказского корпуса, которых немцам, несмотря на все их усилия, не удалось отбросить за реку.

В руки немцев уже 9 октября попала директива по 2-й русской армии, штаб которой вообще не обращал внимания на охрану тайны оперативных распоряжений. Немцы почувствовали еще сильнее нависшую над их левым флангом угрозу. Левое крыло 9-й армии, два корпуса под командой Макензена, 13–17 октября находилось в бою под Варшавой. На 20 октября был назначен нами решительный переход в наступление, но уже в ночь на 18 октября, уклоняясь от разгрома двойными силами русских, Макензен отвел свои войска на 3 перехода на запад от Варшавы к северу от р. Пилицы, на фронт Лович – Рава – Ново-Място, где Макензен был усилен до 3 ¹/₂ корпусов. Слева, на Бзуре, его прикрывал ландштурм, несколько задержавший попытку нашей конницы обойти его с севера.

Одно из немецких полевых орудий, взятое нашими войсками у Ивангорода

Людендорф рассчитывал, что Макензену удастся задержаться на этом фронте, а он с остальными 3 корпусами (XI, XX, гв. резервн.), предоставив оборону Вислы вызванным на смену германцев австрийским корпусам, нанесет удар во фланг русским, наступающим от Варшавы, переправившись на северный берег Пилицы у Бялобржеги и Ново-Място. Мелькала мысль – отрезать от Вислы действовавшие севернее Пилицы русские 2-ю и 5-ю (переправилась 21 октября у Гура-Кальвария) армии и уничтожить их полностью.

Этот маневр, однако, совершенно не удался. Макензен с 25 сентября был очень сильно атакован, левое его крыло должно было загнуться назад, правое было сбито за р. Пилицу. Но главнейшая опасность возникла со стороны Ивангорода.

Германцы обороняли р. Вислу, непосредственно занимая ее берег и мешая своим огнем наводить русским мосты. Сменившие их австрийцы оставили на реке только сторожевые части и сосредоточили сильные резервы позади; Конрад хотел дать возможность русским начать переправу через реку, чтобы затем атаковать и сбросить в реку часть их сил, пока другая будет еще на том берегу Вислы. Этот тонкий маневр оказался не под силу австрийским войскам. С 21 по 25 октября в непрерывных боях 4-я русская армия продвигалась от Козенице и Ивангорода на левом берегу Вислы в направлении на Радом; 26 октября немцам пришлось поддерживать австрийцев резервами, двигавшимися к Шлице; тем не менее 1-я армия Данкля была разбита наголову, отошла назад и открыла широкий промежуток между ней и главной массой австрийцев, куда устремились русские войска (9-я армия); германцам и австрийцам угрожал полный разгром.

27 октября Людендорф отдал приказ об отступлении армии в Познань и Силезию. Отступление это, заблаговременно подготовленное, удалось немцам полностью; при своем отходе они самым капитальным образом разрушили не только железные дороги, но и шоссе; на последних не только мосты, но даже полотно – иногда на протяжении нескольких верст – было изрыто взрывами. Разрушение путей несколько задержало русское преследование.

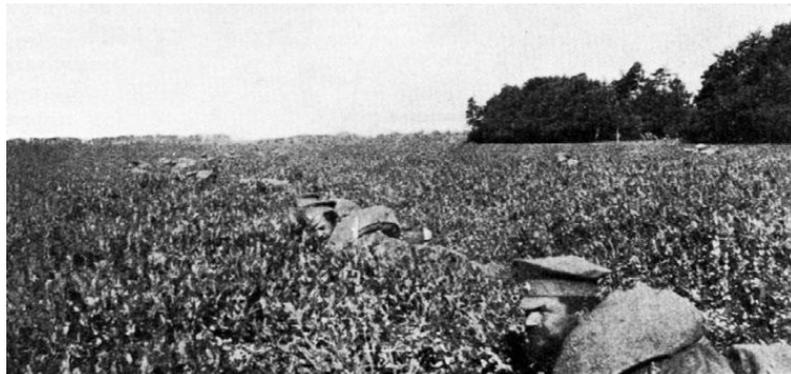
Задержка германцев на Висле, встречный маневр 5, 4, 9 и 2-й армий, переход 21 октября в наступление через Вислу – представляют высшее достижение русской стратегии в мировую войну. Натиск 12 германских и 40 австрийских дивизий, предводимых высокоталантливыми полководцами, был отбит, и неприятелю было нанесено крупное поражение.

13. Лодзинская операция. Стратегический и тактический успех, одержанный русскими в боях Ивангород – Варшавской операции, подвергся той же участи, как и остальные успехи в мировую войну: победитель переоценил его и, желая довершить окончательный разгром неприятеля энергичным преследованием, пошел по дороге и совершил крупные ошибки.

Генерал Жоффр уже в половине сентября через французского посланника настаивал на энергичном наступлении русских армий. Отступление германцев от Вислы совпало с развитием германского натиска под Ипром и с поступлением запоздалых донесений шпионов о массовой перевозке войск в Бельгию (вновь сформированные корпуса 4-й германской армии). В критические минуты для английской армии Китченеру представлялось особенно страшным, как бы Россия не удовлетворилась достигнутыми успехами – очищением своей территории и занятием Галиции – ввиду наступавшей зимы не прекратила бы активные действия. Через английского военного агента Китченер обратился с настоятельной просьбой – не прерывать русского наступления, так как англо-французский фронт еле держится и в случае переброски сил из состава отступившей от Варшавы германской армии неминуемо будет прорван. Русское верховное командование смогло ответить самым успокоительным образом: вместо постановки русским армиям ограниченной задачи – занятия Восточной Пруссии до Вислы и использования зимнего периода для приведения в порядок сильно расстроенных русских войск – наша Ставка выдвинула задачу, которая была особенно любезна сердцу французского и английского командований: вторжение в Силезию и Познань. Несомненно, угроза Силезскому угольному бассейну должна была сразу разгрузить французский фронт и вызвать переброску германских войск против России.

Такие жертвы со стороны русской армии являлись бы оправданными, если бы на Западе стояли на карте жизненные интересы войны или если бы франко-английские войска были бы готовы, пользуясь отливом в Польшу германских войск, перейти в решительное наступление. На самом деле вопрос на Западе шел только о том позиционном рубеже, на котором обе стороны готовы были застыть на многие месяцы, и отлив в Польшу германских резервов был важен для англичан и французов потому, что давал им возможность скорее дать своим войскам зимний отдых, приступить к их пополнению и к накоплению запасов вооружения и снарядов. Но во всем этом русская армия, понесшая огромные потери в течение первых трех месяцев войны, нуждалась еще больше наших союзников.

Русское верховное командование, переоценивая свои успехи и принимая к сердцу интересы союзников ближе, чем интересы русской армии, стало на роковой путь, решив (директива 2 ноября) вторгнуться внутрь Германии. Эта активность в ведении войны не отвечала ни ресурсам России, ни общему характеру войны. Русская империя имела внутри Германии партийных врагов – католический центр, который тянул Германию к тесному союзу с Австро-Венгрией и к освобождению Польши от русской власти, а также социал-демократов. Спокойствие, постепенно установившееся на Западе, и угроза русского вторжения позволили этим германским партиям постепенно дать войне восточную ориентацию – на разгром России. Верховное германское командование постепенно уступало этой ориентации, что и было одной из причин торжества англо-французов и разгрома России и Германии.

Преследование русских войск было задержано в пяти переходах от Варшавы и Ивангорода необходимостью выждать восстановления в тылу железнодорожного движения; русские армии находились на правом берегу Варты; 14 ноября должно было начаться русское наступление. 4 русские армии (2, 5, 4 и 9-я) стояли лицом к Силезии и Познани. 3-я и 8-я армии, развернутые против австрийцев к югу от Верхней Вислы, прикрывали фланг вторжения. Правый фланг обеспечивался уступным положением правофланговой 2-й армии и расположением в районе Влоцлавск – Плоцк 1-й армии на обоих берегах Вислы. 10-я армия постепенно теснила слабую 8-ю прусскую от Немана и Бобра к р. Ангеррап и Мазурским озерам.

Уже 50 лет назад старый Мольтке, анализируя возможные стратегические контрманевры на такое русское наступление на Познань – Бреславль, выдвинул решение – сосредоточение на участке Торн – Врешен германских войск для действия с этой фланговой стратегической позиции.

Людендорф, теперь начальник штаба главнокомандующего на востоке германскими войсками, обратился к этому решению. К 10 ноября 5 германских корпусов (+ 2 кав. корпуса + IX германская армия ген. Макензена) были из района Ченстохов – Калиш перевезены на север по железной дороге и готовы для удара по правому флангу русских между Вартой и Вислой.

Быстрота германского маневра заслуживает удивления: 27 октября окончилась неудачно для германцев операция на Висле, 5 ноября германская армия отступила перед русским центром за границу Силезии; 11 ноября она наносит нам фланговый удар справа.

Группа Войрша (4 дивизии) в районе Ченстохова представляла главную опору против русского фронта; правее ее находилась 1-я австрийская армия, на левый ее фланг перевозилась австрийская конница и 2-я австрийская армия. Тогда как Макензен должен был охватить русский фланг с севера, Войрш и австрийская армия должны были связать русский фронт, прорвать его и содействовать полному окружению 2-й и 5-й русских армий. Связью между Войршем и Макензеном должны были служить Бреславльский и Познанский корпуса, представлявшие почти ополченские части.

За три дня до перехода русских в наступление инициативу захватили германцы. Так как австрийские армии не закончили своего сосредоточения, и притом как австро-венгерские войска, так и дивизии Войрша и ополченские корпуса значительно уступали русским войскам, то

нажим на русский фронт был только обозначен, и русские могли уделить все внимание фланговому удару 2-й германской армии, который получил очень сильное развитие (см. схему № 4).

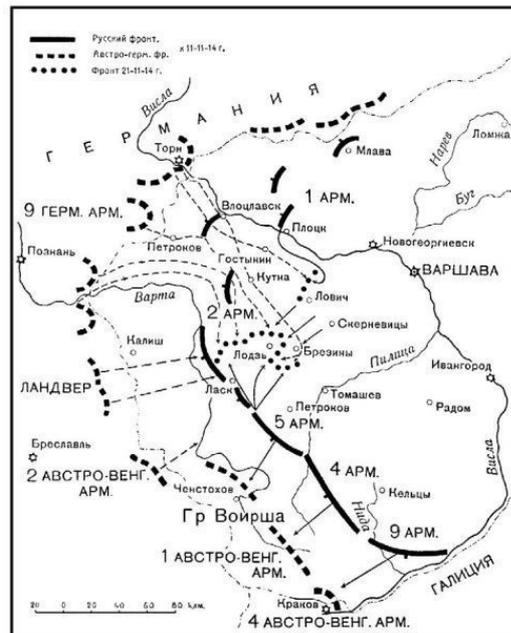

Схема № 4. Лодзинская операция. Ноябрь 1914 г.

Резервные дивизии армии Ренненкампа и небольшие подошедшие к ним подкрепления из состава 2-й армии были опрокинуты; против частей Ренненкампа на правом берегу Вислы демонстрировали 2 ландверных германских корпуса. Очень скоро германские войска проникли до фронта Лодзь – Лович. 2-я русская армия стремилась спастись отступлением в юго-восточном направлении, но категорическим приказом верховного командования была задержана у Лодзи, где и остановила 3 германских корпуса. Но в промежутке между Лодзью и Ловичем русских сил еще не было. Немцы, оставив 1-й резервный корпус против Ловича, где собирались русские подкрепления, перебрасываемые через Варшаву, бросили группу Шеффер – Бояделя (3 пех., 2 кав. дивизии) в охват Лодзи с востока и юга.

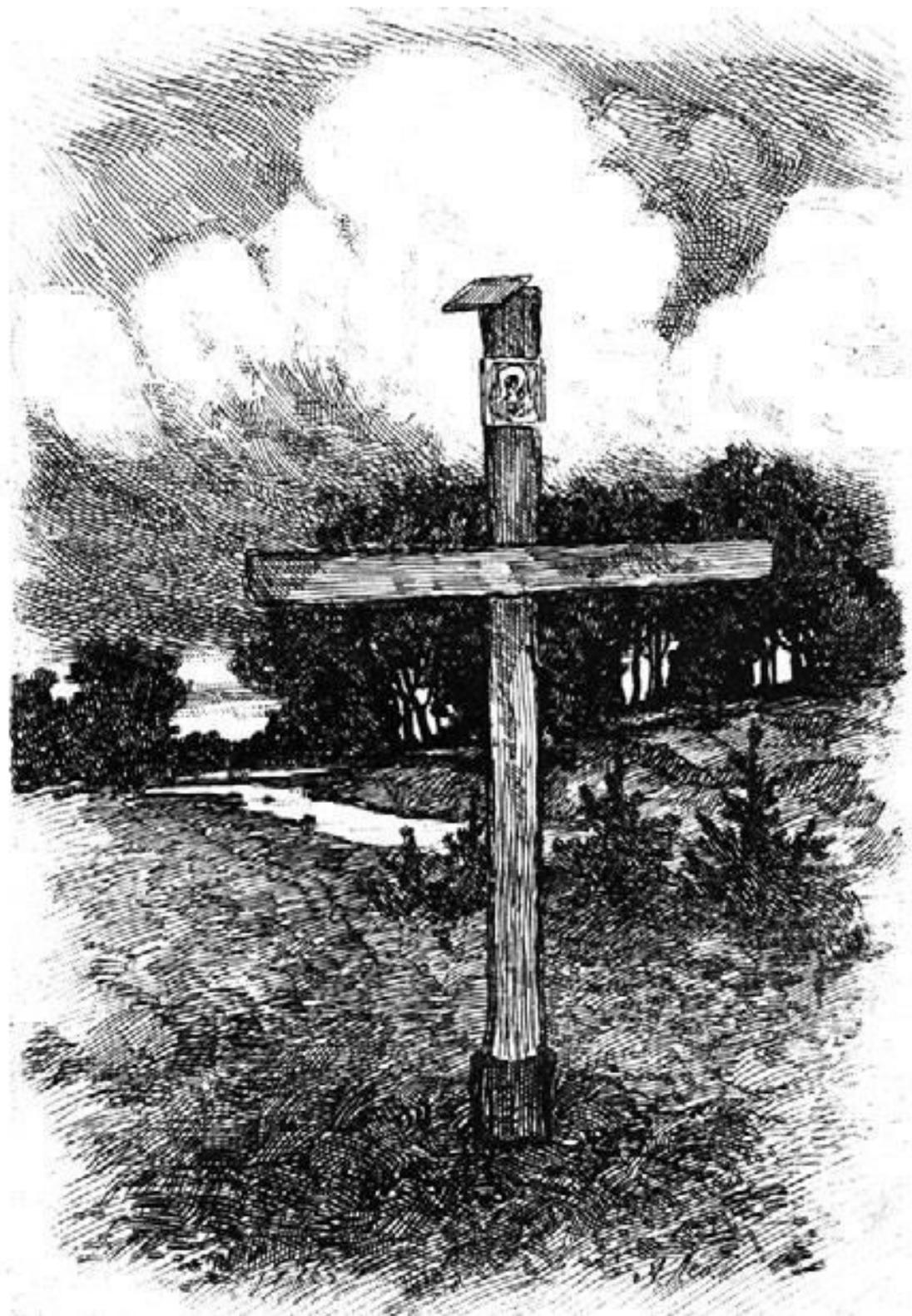
«Прощай, товарищ!..»

22 ноября германское наступление достигло высшей точки развития – 2-я армия была окружена под Лодзью с запада, севера, востока и юга, и только небольшой перешеек в юго-

западном направлении оставался свободным. Но расчет немцев, что русское управление потеряет голову, оказался ошибочным. Сил у немцев, чтобы сомкнуть кольцо окружения, оказалось недостаточно; подходившие с юга части 5-й армии отбросили наседавшие с запада ополченские части и сами надвинулись на группу Шеффер – Бояделя. От Лодзи 2-я армия рванула на север и потеснила основную массу 9-й германской армии, которая, отходя, утратила связь с Шеффер – Бояделем. Импровизированный из всевозможных частей ловичский отряд с неоднократно менявшимся начальством продвинулся к второй армии и прервал сообщения Шеффер – Бояделя. 23–24 ноября последний находился уже в кольце русских войск, которое, однако, недостаточно энергично сжималось, что позволило германцам в ночь на 25 ноября через Брезины пробиться из окружения. Огромный успех – расплата за самсоновскую катастрофу – казался уже в наших руках, но вследствие неудовлетворительности некоторых начальников осуществить его нам не удалось.

От Лодзи до Вислы установился непрерывный фронт. Попытка наша перейти в наступление против истощенной операцией 9-й германской армии была остановлена переброской начавших прибывать в конце ноября – начале декабря 7 германских корпусов и германских кавалерийских дивизий с западного фронта. Переброска этой массы в один район и дружное ее вступление в бой легко могли сокрушить сильно расшатанный русский фронт; но мы повсюду действовали так активно, что Людендорфу пришлось вводить прибывавшие подкрепления по частям на различных участках фронта.

Ввиду усиления вдвое германских сил мы отказались от наступления и по настоянию главнокомандующего сев. – западным фронтом ген. Рузского оставили 6 декабря Лодзь и отошли на укрепленные позиции за Бзуру, Равку и Ниду, где отбивали в течение зимы неоднократные атаки германцев.

Августовские леса. Одна из наших могил

В Восточной Пруссии наше наступление остановилось перед укрепленными позициями в районе Мазурских озер. В Западной Галиции в начале декабря австрийцам при помощи одной германской дивизии удалось 3 декабря охватить наш левый фланг со стороны Карпат, но наш контрудар во второй половине декабря отбросил австрийцев в Карпаты.

Лодзинская операция расценивается в Германии как высокое проявление стратегического искусства Людендорфа, спасшее Германию от русского нашествия. На самом же деле спасло немцев от русского нашествия решение прекратить бесплодную бойню у Ипра, перейти на французском фронте к обороне и удвоить количество войск на русском фронте. Критическое положение, в которое попали под Лодзью германские войска, было неизбежно при данном соотношении сил, и дерзость Макензена не была наказана лишь по счастливой для немцев случайности. Нельзя не обратить внимания на крайне неудачный момент, избранный Людендорфом для начала этой операции, которая могла решить войну. Если бы подкрепления – 7 корпусов – подошли на неделю раньше, вероятно, последовало бы полное уничтожение двух русских армий. Но если бы операция была начата на неделю позже, успехи германцев были бы еще больше. Чем более удалялась бы русская армия от Вислы, тем уязвимее становился бы ее фланг и тыл и тем шире могла распространиться катастрофа на большую часть русского фронта. Ясно, что, предпринимая решительный удар, Людендорф должен был сговориться с Фалькенгайном о моменте прибытия подкреплений. Трения в германском высшем командовании, невозможность высшему командованию сговориться с главнокомандующим на востоке свели на нет большую энергию и изворотливость частных германских начальников и маневренную способность их войск.

14. Сербский фронт. 5-я и 6-я австро-венгерские армии ген. Потioreка, выставленные против Сербии, насчитывали 13 дивизий – 140 тыс. полевых войск и 85 тыс. ландштурма. Силы сербов состояли из 11 сильных дивизий – 180 тыс. и около 100 тыс. ополчения. Организация сербской армии, имевшей характер хорошей милиции, не соответствовала требованиям наступления в пределы Австрии, как это показал их переход через Саву в начале сентября или вторжение в Боснию в октябре. Эти наступления, связанные с крупными неудачами, были предприняты отчасти из-за давления, неосновательно оказанного русским верховным командованием. Сербия была истощена двумя предшествовавшими балканскими войнами, не имела ни необходимых для наступления крепких кадров, ни нужного снаряжения; но, защищая родную землю, сербские солдаты дрались прекрасно.

12-летний сербский мальчик, сражающийся за отечество в рядах сербской армии

Сербские войска покидают Белград

У австрийцев не было необходимого перевеса сил, чтобы раздавить Сербию. Часть австрийских войск состояла из прекрасных горных бригад XV и XVI корпусов, но другую часть образовывали преимущественно ненадежные чешские батальоны, которых совершенно невозможно было двинуть против русских, и словацкие части: чехи и словаки в трудную минуту готовы были перейти на сербскую сторону. В таких условиях совершенно разумно было бы для австрийцев, пока не решится кризис на русском фронте, ограничиваться обороной.

Однако увлекаемые шовинистическими чувствами, австрийцы троекратно повторяют ошибку наступления: первое – 12 августа, второе – 8—24 сентября, третье – 5 ноября – 15 декабря. Эти наступления каждый раз велись от угла, образуемого впадением Драны в Саву; третье наступление дало возможность австрийцам занимать в течение 2 недель Белград. Но каждый раз они приводили к тому, что силы наступавших австрийских войск истощались, и контратака сербов отбрасывала их с тяжелыми потерями за границу. Во время второго наступления потери только двух австрийских корпусов – XV и XVI – превышали 25 тыс. человек. Третье наступление стоило австрийцам не меньше 120 тыс. убитыми, ранеными, пленными и обмороженными. Этих жертв безусловно можно было избежать. Борьба частью сил на измор с Сербией являлась ошибочной стратегией. После отражения третьего наступления истощение обеих сторон заставило перейти к малой войне на границе. Все излишние для обороны войска (XIII корпус) Австрия перекинула на карпатский фронт.

Черногория, располагавшая около 40 тыс. мобилизованных, с самого начала оказалась неспособной к каким-либо операциям, выходящим из рамок малой войны, а австрийцы оказались настолько благоразумны, что не двинулись в пределы диких черногорских ущелий.

1915 год

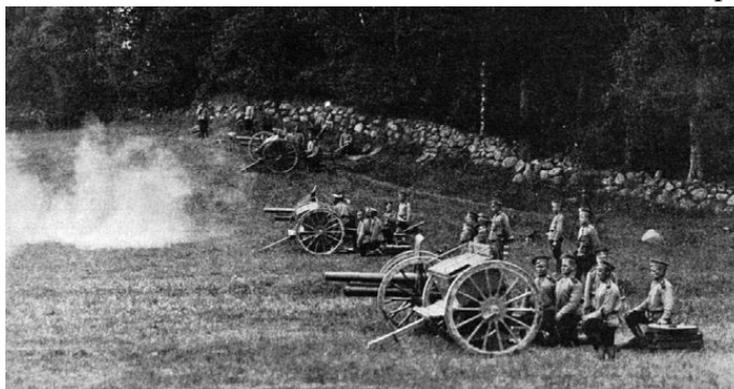
15. Общая обстановка. Если русскому командованию удавалось преодолеть кризисы, создававшиеся в Восточной Пруссии, в Галицийской битве и в Ивангород-Варшавской операции, то этим оно было в значительной степени обязано притоку новых свежих сил – 6 сибирских, 2 туркестанских, 2 кавказских корпусов. Эти постепенно подходившие корпуса играли роль стратегического резерва, необходимость которого до войны отрицалась близорукими теоретиками и который получил решающую роль в мировую войну. Борьба на измор, в плоскости которой сложилась мировая война, заключается в преследовании ограниченных целей для истощения как общих ресурсов враждебного государства, так и его стратегических резервов: только когда фронт оказывается предоставленным своим силам и перестает получать с тыла свежую кровь, становится возможным решительный нажим для достижения цели войны.

В 1915 году русское командование должно было считаться с гораздо меньшей поддержкой с тыла. Железные дороги в 1914 году сумели уже исчерпать живые силы и материальные средства, подготовленные в мирное время. Новые формирования развивались в ничтожном масштабе, так как подготовленных людей и материальных средств не хватало и на пополнение больших потерь в действующих на фронте частях. В тылу на замену погибших с Самсоновым XIII и XV армейских корпусов формировались два новых корпуса под теми же номерами, готовность коих ожидалась в конце марта. Русская промышленность перестраивалась в соответствии с требованиями войны гораздо медленнее, чем в государствах, находившихся на высшей ступени капиталистического развития. Особенную остроту вызывало состояние наших запасов снарядов и винтовок. Мы начали войну, имея максимальное число, по сравнению с другими государствами, заготовленных в мирное время снарядов на орудие – 1300; наш главный противник, Австро-Венгрия, имела запас в два с половиной раза меньший – 600, что ставило наши армии в чрезвычайно выигрышное положение в октябре – декабре 1914 года. Уже с сентября 1914 года и во Франции и в Германии чувствовался недостаток снарядов. Но тогда как и наши враги и наши союзники сумели сделать из этого надлежащий вывод, мы продолжали роскошествовать, предпринимая наступательные операции, подготавливая огнем атаки укрепленных позиций, хотя имели точное расписание того количества снарядов, которое могли получить в течение ближайшего полугодия; при отсутствии оперативной дисциплины, не ставя себе задач в соответствии с нашими материальными средствами, мы неуклонно шли к снарядному кризису, разразившемуся в мае и продолжавшемуся до августа – в течение 4 самых тяжелых для русской армии месяцев.

Австрийское знамя в Московском артиллерийском складе. Сзади знамени видны взятые нашими артиллеристами пушки

Наша превосходная полевая артиллерия принимала решительное участие в наших успехах 1914 года; теперь она отходила на второй план. Пехота потеряла свой кадровый состав офицеров и солдат; в 1915 году на ее плечи легла вся тяжесть боев; между тем дело с ее вооружением обстояло очень печально. К началу войны запас винтовок русской армии достигал всего 4652 тыс. Это наличие удовлетворяло мобилизационным потребностям; мы даже подарили Сербии в начале войны 120 тыс. винтовок. Но для пополнения потерь в действующей армии за первые месяцы войны было призвано почти 3 миллиона новобранцев и 2 1/2 миллиона ратников ополчения, в вооружении коих и создался кризис. Наши оружейные заводы вместо мобилизационного задания в 60 тыс. винтовок в месяц вырабатывали в начале войны только 10 тыс. и лишь к концу 1916 года сумели подняться до 130 тыс. винтовок в месяц. Это была капля в море сравнительно с потребностью. Вследствие недостаточной дисциплины утрата в бою винтовок достигала больших размеров; терялись не только винтовки солдат, попадавших в плен, но и большая часть винтовок убитых и раненых солдат. Пришлось последовательно отобрать винтовки у тыловых частей и у флота; в запасных частях новобранцы имели на роту всего несколько винтовок. И все же укомплектования на фронт приходилось посылать вооруженными во все меньшем проценте. В полках образовались безоружные команды, представлявшие своего рода хвост солдат, ожидавших смерти или ранения бойцов, чтобы поднять выпавшее из их рук оружие. В августе число таких безоружных в армиях достигало 30 %; затем кризис был изжит как за счет приобретения винтовок в Японии и Соединенных Штатах, так и за счет планомерного использования многих сотен тысяч доставшихся нам австрийских ружей.

Батарея на позиции

Такой же острый кризис, как и мы, в снарядах и винтовках переживала Австро-Венгрия. Вместе с миллионами пленных она потеряла и миллионы винтовок; в запасных частях в Австрии обучение обращению с оружием новобранцев производилось также преимущественно вприглядку.

Даже в Германии, не терявшей большого количества пленных, создался острый кризис; на рубеже 1914 и 1915 г. приходилось посылать на фронт безоружные пополнения и вооружить тыловые части русскими винтовками; но уже в 1915 г. производительность германской промышленности путем раздачи фабрикации отдельных частей ружья на 150 частных заводов удалось довести до 200 тысяч винтовок в месяц, и кризис был изжит. Путем жестокой экономии на фронте немцы преодолели в первую зиму и жестокий снарядный кризис.

Покупки на зарубежных рынках встречали препятствия вследствие конкуренции союзников, особенно Англии, нуждавшейся в них для создания заново «Китченеровской» армии – новых 35 дивизий, которые лишь в 1917 году смогли приобрести достаточную боеспособность. Само формирование Китченеровской армии являлось грозным предзнаменованием для активной стратегии, которой держался русский главнокомандующий Николай Николаевич: вместо немедленной помощи снарядами и винтовками русской армии западные союзники начали накапливать у себя запасы, формировать свою силу, которая должна была сыграть решающую роль через 2–3 года, а от русской армии требовали немедленных решительных действий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.